

Олег Смыслов
Генерал Маргелов

«ВЕЧЕ»

2010

Смыслов О. С.

Генерал Маргелов / О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ», 2010 — (Великие исторические персоны)

Вся его жизнь – это достойный пример служения своему Отечеству человека сильной воли, огромной энергии, целеустремленного и преданного своей профессии офицера и военачальника. У него была подлинно солдатская душа, благодаря которой сама жизнь выдвинула его на высокие ступени военной иерархии. Василий Филиппович Маргелов – единственный из командующих ВДВ, чье имя в истории этих войск останется навсегда: ведь он олицетворял целую эпоху их развития и становления.

© Смыслов О. С., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Сергеевич Смыслов Генерал Маргелов

© Смыслов О.С., 2010

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

*Моему другу, сыну ветерана-десантника, суворовцу и комбату
– Владимиру Алексеевичу Таранову посвящаю...*

От автора

Вся его жизнь – это достойный пример служения своему Отечеству офицера, командира и военачальника, человека сильной воли, огромной энергии, целеустремлённого и преданного своей профессии – защищать родину!

У него была подлинно солдатская душа, благодаря которой сама жизнь выдвинула его на высокие ступени военной иерархии.

Командуя в годы войны полком морской пехоты, Василий Филиппович познал их особое состояние духа и, видимо, от «чёрной смерти» (так называли морпехов немцы) перенёс в «пехоту крылатую» их некоторые традиции.

Василий Филиппович Маргелов – единственный из командующих ВДВ, чьё имя в истории этих войск останется навсегда, ведь он олицетворял целую эпоху их развития и становления.

Что тут говорить, только Маргелов смог посадить десантников на броню. Именно Маргелов придумал для десантников тельняшку с голубыми полосками и голубой берет. Это он назвал пагубным удержание захваченного десантом района до подхода наступающих войск и убедительно отверг методы жестокой обороны.

Это Василий Филиппович убедил в том, что в современных операциях успешно действовать в глубоком тылу противника смогут только высококомобильные, способные к широкому маневру десанты.

Главным качеством в профессии десантника Маргелов называл дерзость и говорил: «Такую, когда человек готов сражаться против десяти врагов».

В ВДВ он вложил всю свою душу, весь свой опыт и талант, создав современные Воздушно-десантные войска как элиту Вооружённых Сил СССР.

В 1999 году, в период моей службы в Санкт-Петербурге, я написал стихотворение под названием «Советскому офицеру». Образ в нём изначально был собирательный. Но только теперь, перелистав страницы насыщенной военной биографии В.Ф. Маргелова, я понял – эти строки были написаны и про него:

Ты был всегда, все войны впереди —
И взводным, и комбатом, и комдивом;
И рвали пули гимнастёрку на груди,
Но лишь за то, что был ты командиром.

Ты был всегда батяней для своих,
За храбрость и бесстрашие – примером,
Почти святым для павших и живых,
Краскомом и советским офицером.

Ты знал нужду, страдания, приказ
И Родины великой уваженье.
Ты не в боях Россию тоже спас —
Её ты защищал и на ученьях.

Ты в форме жил и в ней же умирал,
В традициях ковалась твоя вера,
Ты жизнь свою на службе прожигал,
Но то была судьба, а не карьера.

Ты водку пил и знал, как дворник, мат, —
Увы, в казармах не было балета,
Ты грубостью берёг своих солдат,
Порою возвращая с того света.

Ты в генералы вышел боевым,
За мужество – заслуженная мера,
А всё служение – твой памятник живым
Сегодняшним российским офицерам...

Василий Филиппович Маргелов при жизни стал символом времени и человеком-легендой.

Глава 1

Есть такая профессия – защищать свою Родину

Когда известного советского и российского писателя Бориса Васильева спросили, почему он так и не написал роман о современной российской армии, то он с грустью заметил:

«Моя любимая Красная Армия изменилась на глазах. Большинство выходцев из царской армии погибло в 1941–1942 годах. И тогда офицеров стали готовить из крестьян. Как результат, нравственный ценз моментально снизился. Да, они герои, они победили. Честь им и хвала! Но строить мирную армию они уже не могли. Мне кажется, эта картина пользуется популярностью потому, что „Офицеры“ – романтическая мелодрама. Её героини безукоризненны. Представить только: Иван Варавва был влюблён в жену своего друга, а потому сам так и не женился. Такой любви больше нет! Поэтому женщины и ревут. Между прочим, в фильме „Офицеры“ я придумал лишь вторую серию. Да и её сильно сократили. Я там писал про лагерь. Помните, встречаются два генерала и восклицают: „Ты жив?...“ Подумайте, где они были столько лет? Да они сидели! Так вот. Недавно у меня в гостях была дочь Кирилла Рапопорта, с которым мы и придумали „Офицеров“, и задала тот же вопрос, что и вы. Я ответил ей, что не могу, потому что не знаю современную армию».

И всё же повесть «Офицеры» давным-давно стала классикой, а фильм с одноимённым названием – культовым.

Помните, когда на вышке Алексей Трофимов, облачённый в «красные революционные шаровары», установил пулемёт и к нему туда поднялся командир эскадрона, ещё из старых офицеров?

«Молча проверил прицел, просмотрел пулемётные ленты. Поймав весёлый взгляд Алексея, усмехнулся:

– Какого года?

– Второго, товарищ командир.

– Значит, сразу – на курсы?

– Так комсомол приказал.

– А жениться вам тоже комсомол приказал?

– Это мой личный вопрос, – нахмурился Алексей.

– Ваш личный? Ошибаетесь, взводный. Женитьба – дело чести вашей, а не вопроса.

Алексей растерялся настолько, что, поморгав, совсем не по-уставному протянул:

– Чего-о?...

– Когда вы просите женщину вручить вам руку и сердце, вы внутренне даёте самому себе слово чести, что всю жизнь будете служить ей щитом и опорой. Что в любых несчастьях, болезнях, горестях вы не покинете её и никогда не предадите. Никогда.

– Ну это – само собой, – рассудительно сказал Алексей.

– На всю жизнь – слово чести, взводный. А жизнь может оказаться длинной. Даже при нашей с вами профессии.

– Какая же это профессия? – с ноткой превосходства удивился Алексей. – Военный – это никакая не профессия. Это просто служба такая.

– И долго же вы просто служить собираетесь?

– До победы мировой революции, – чуть запнувшись, но твёрдо сказал взводный.

– А потом?

– Когда – потом?

– После победы мировой революции?

– После победы? – Алексей смущённо улыбнулся. – После победы я учительствовать пойду. Вот учитель – это настоящая профессия, товарищ командир эскадрона.

– А я, представьте себе, всю жизнь гордился своим делом, – комэск вздохнул. – И отец мой им гордился, и дед. Другие знатностью гордились или богатством, а мы – профессией.

– Что же это за профессия такая?

– Родину защищать. Есть такая профессия, взводный: защищать свою родину.

И застеснявшись патетики, поднял к глазам бинокль.» (Б. Васильев. *Офицеры*. М., 2003 г.).

Как и Алексей Трофимов, Василий Филиппович Маргелов связывать свою судьбу со службой в армии и не собирался. Но в 1928 году именно по комсомольской путёвке, которую он получил в райкоме, его направили учиться на красного командира в Объединённую Белорусскую военную школу имени ЦИК БССР в городе Минске.

Свою роль в будущей судьбе Маргелова сыграло его семилетнее образование, которое имели тогда ещё немногие призывники. Было ему тогда всего двадцать лет от роду...

Родился Василий Филиппович Маргелов 27 декабря 1908 года в городе Екатеринославе (Днепропетровск) на Украине, в семье выходцев из Белоруссии. Когда маленькому Василию было всего пять лет, вся семья вернулась на родину Филиппа Ивановича в местечко Костюковичи Климовичского уезда (Могилёвская губерния).

По рассказу сыновей В.С. Маргелова, «семья была большой: трое сыновей – Иван, Василий, Николай и дочь Мария, порой сильно бедствовала, а потому и приходилось его отцу, Филиппу Ивановичу Маргелову, гнуть спину на капиталиста от зари до зари. Только благодаря своей богатырской силе и огромной выносливости мог он работать в горячем литейном цехе лицом к лицу с испепеляющим огнём расплавленного металла по 16 часов в сутки, пока не выгнали его с завода за „политическую неблагонадёжность“. Давно хозяева хотели избавиться от неудобного им вожака рабочих. А тут и повод подвернулся: заступился он за соседскую бабу Матрёну. Дело было так – прицепились к ней трое подвыпивших хулиганов, мол, плати три копейки за право торговать семечками, не то их заберём. А откуда же ей, горемычной, такие деньги взять? А те пристали к ней, как банный лист к телу:

– Дай, да дай!

Старушка в слёзы, а им всё нипочём, только смеются. В это время проходил мимо Филипп Иванович. Ну и врезал он им как следует. Выплёвывая зубы, разбежались как зайцы – попробуй ответь тем же здоровенному металлургу. А потом пожаловались городовому, дескать, избил их пьяный громила ни за что ни про что. Вот так и лишился дед Филипп работы – убрали его подальше от коллектива беспокойных рабочих. С трудом удалось устроиться на шахту горным рабочим, но на работу, где условия труда были ещё невыносимее и где он быстро завоевал авторитет среди шахтёров».

В Екатеринославе Маргеловы жили достаточно скромно. Небольшая комната в рабочем бараке, где мама Василия вела домашнее хозяйство, отличалась чистотой и порядком. И тем не менее Маргеловы не бедствовали.

Покинув, что называется, насиженное место в Екатеринославе, они поселились в Костюковичах. Говорят, это был «неказистый домишко на Муравильской улице, доставшийся в наследство супруге». Но уже через год он «вполне мог соперничать со строениями, в которых жили именитые граждане Костюковичей».

Однако семейное счастье длилось недолго. Началась война.

«В 1914 году призвали деда Филиппа на военную службу, и ушёл он на германскую войну защищать Отечество, – пишут сыновья В.Ф. Маргелова. – Два „Георгия“ свидетельствуют о его мужестве и отваге. В одном из боёв в наступлении герой-богатырь лично заколол штыком десяток немцев. Но третьего „Георгия“ ему не дали за то, что однажды он выступил против несправедливости, за права солдат. В 1917 году он был избран членом полкового

комитета. Потом были бурные годы Гражданской войны. Филипп Иванович взял в руки винтовку и пошёл на фронт защищать молодую советскую республику, твёрдо веря, что борется за лучшую жизнь именно трудового народа. Служил он сначала в Красной Гвардии, а потом – в Красной Армии.

Когда отгремели залпы Гражданской войны, Филипп Иванович Маргелов вернулся в 1920 году домой, где сначала работал на своей земле, уходя зимами на побочные заработки, в 1931 году вступил в колхоз „Парижская Комуна“, а позже перебрался на лесопильный завод, с 1936 года работал в Леспромхозе.

Семья окончательно вернулась в город Костюковичи, что в Могилевском уезде в Белоруссии, где Маргеловы жили и работали в летнее время. Здесь же была и многочисленная родня. Родственники хоть и сами жили бедно, но всегда помогали друг другу. В 1921 году второй сын Филиппа Ивановича Василий закончил школу. Сын рос в отца и был не по годам высоким, сильным парнем. В те времена в таком возрасте многие подростки начинали свою трудовую жизнь. Не минула эта чаша и сына екатеринославского пролетария».

Начинал свою трудовую деятельность Василий Филиппович, помогая матери по хозяйству. Затем были мелкие заработки: «то почту возил, то грузчиком подрабатывал, то плотником».

Когда стукнуло тринадцать, работал учеником в кожевенной мастерской, очень скоро став помощником мастера. А в пятнадцать он поступает чернорабочим в местный «Хлебопродукт».

История о том, как Василий Филиппович вступал в комсомол, любопытна: «Секретарь комсомольской ячейки предложил Василию вступить в комсомол. Старательно изучив Устав и изрядно волнуясь, пришёл он в назначенное время на комсомольское собрание. Всё шло нормально, пока заместитель секретаря комсомольской организации Изя, которого Василий терпеть не мог за его зазнайство и верхоглядство, не спросил: „Как вы, товарищ Маргелов, относитесь к еврейскому вопросу?“

Ну, Василий и объяснил, что он думает о тех руководителях и идейных вдохновителях, которые сами не знают, что такое труд, а других пытаются поучать. Имел он в виду именно этого Изю, не вдаваясь глубоко в каверзный смысл вопроса. Вернулся он домой расстроенным – отказали ему по предложению Изю в доверии.

– Что, моего Васеньку в комсомол не приняли? – возмутилась глубоко набожная Агафья Степановна. – А говорили, что туда только лучших принимают.

Двоюродный брат Иван, секретарь партийной организации института, спросил:

– В чём дело, Вася?

– Не знаю, – честно признался Василий – на все вопросы ответил, работу мою хвалили, а как Изьку лентяем и крикуном назвал, предложили в следующий раз прийти подготовившись, и ещё назвали каким-то „антисемитом“.

– Не переживай, брат, я переговорю, с кем следует.

Через несколько дней тот же Изя, заискивающе улыбаясь, приглашал его:

– Васька, почему ты в комсомол не приходишь? Приходи. Не обижайся.

Скоро его приняли в комсомол, но неприятный осадок остался надолго. Шёл 1924 год...»

Словом, с характером был юноша. Да ещё каким! Но именно такой характер останется у Василия Филипповича до конца его дней. Потому всю свою дальнейшую жизнь он будет всегда считаться суровым, но справедливым человеком. Сильный характер – сильная личность. Именно таким воспитали его отец и мать. Несомненно, приложила к этому свою руку и окружающая среда – улица. Пройдёт много лет, прежде чем один из партийцев высокого ранга за упорство Маргелова, с каким он всегда отстаивал свою точку зрения, назовёт его «бульбашом».

«Я и бульбаш, и хохол, и великоросс. Одним словом – потомственный славянин», – с достоинством ответит Василий Филиппович.

В шестнадцать Маргелов по комсомольской путёвке отправляется всё в тот же Екатеринослав на шахту имени М.И. Калинина, где сначала будет обыкновенным чернорабочим, а затем коногоном. Работая лишь с кайлом и лопатой, порой на пределе физических сил, он именно в шахте получит первые уроки мужества. Уроки, которые будут им опробованы на собственной шкуре.

«Однажды, когда бригада, в которую входил Василий, пробивала новый штрек, произошёл завал. Забойщики оказались отрезанными от внешнего мира толстым слоем земли. Кое-кто упал духом, кое-кто уже молился Богу. Но Василий Маргелов и ещё несколько его товарищей упорно раскапывали завал. Более трёх суток они без пищи и воды боролись со стихией, и она отступила. На четвёртые сутки после удара кайлом в „стену“ завала шахтёры увидели свет и, помогая друг другу, выбрались на волю.

Однако те дни и ночи, проведённые в тёмном забое без свежего воздуха, воды и пищи, не прошли даром. Василий по состоянию здоровья уже не мог работать на шахте, и его направили лесником в Леспромхоз, в родную Белоруссию». (*А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.*)

Но и эта работа не прошла даром. Десятки километров восемнадцатилетнему парню приходилось преодолевать на лошади – летом и на лыжах – зимой, чтобы осмотреть лесные уголья. Преследуя браконьеров, Василий Филиппович очень скоро научился читать «лесную книгу»: «Умел он находить едва заметные следы в лесу, маскироваться, терпеливо выжидать в засаде, не зная, конечно, как пригодятся эти качества ему в будущем».

В 1927 году его выбирают председателем рабочего комитета Леспромхоза, а в 1928-м – членом местного Совета и председателем налоговой комиссии. Тогда же Маргелов станет уполномоченным по комсомольской линии по работе среди батраков и по военной работе. Тогда же вступит в партию, но пока всего лишь кандидатом.

Согласно послужному списку, который аккуратно подшит в личном деле В.Ф. Маргелова, в Объединённой белорусской военной школе ЦИК БССР он учился с сентября 1928 года по апрель 1931-го. То есть целых два с половиной года Василий Филиппович был курсантом, постигая совершенно новое, неизведанное для себя военное дело, следуя ленинским словам, настоящим образом. Правда, как до службы в армии, так и во время её периодически буква «г» в его фамилии в различного рода документах, менялась на букву «к». А ведь до получения партийного билета Василий Филиппович Маргелов был Маркеловым. Но именно этот документ окончательно утвердил букву «г» в его фамилии навсегда. Говорят, сам обладатель красивой фамилии по этому поводу никогда не расстраивался...

У военно-учебного заведения, в которое был принят Василий Филиппович, уже была своя небольшая история. Известно, что 5 февраля 1921 года по приказу Реввоенсовета Республики в Минске были организованы краткосрочные 81-е пехотные курсы командного состава, которые расположились в здании бывшей Минской духовной семинарии. В том же году курсы переименовывались дважды: сначала в курсы Совнаркома БССР, а затем в Минские пехотные курсы РККА.

В 1924 году на базе этих курсов была организована 7-я Объединённая военная школа имени ЦИК БССР с трёхгодичным сроком обучения.

Его специфику отражало само название: «Объединённая». То есть на трёх отделениях готовились кадровые командиры для родов войск РККА: кавалерии, артиллерии и пехоты.

В перечне военных дисциплин значились: топография, история Гражданской войны, военное искусство, тактика, огневая подготовка, инженерное дело. Тактика пехоты и кавалерии (курсанты постигали джигитовку и приёмы езды) изучалась в них с учётом применения артиллерийского огня. Почти треть учебного времени отводилась на общеобразовательные

предметы. В течение учёбы курсанты проходили стажировку: на втором курсе – в должности командира отделения, на третьем – командира взвода.

Военная школа представляла собой один батальон трёх- или четырёхротного состава. Первоочередной задачей ОБВШ имени ВЦИК БССР была подготовка для 2-й Белорусской стрелковой дивизии Западного военного округа (Белорусского военного округа).

За годы работы в училище было подготовлено около 3,5 тысячи командиров Красной Армии.

Здесь и предстояло учиться курсанту Маргелову.

Физически подготовленный к суровой военной жизни, Василий Филиппович непременно стремился и к знаниям. Он как-то сразу же втянулся в новый для себя режим или по-военному – распорядок: в 6 часов 30 минут подъём, затем зарядка и занятия до обеда. В классах курсанты первого года первоначально изучали историю, географию, русский язык, литературу, химию, физику, немецкий язык, Конституцию СССР и усваивали марксистско-ленинскую подготовку.

Как пишет Б. Костин: «после обеда – отдых. Мёртвый час с 14.40 до 15.40 непременно соблюдался и при выходе школы в летние лагеря, на три месяца боевой учёбы. <...>

Курсанты полностью обеспечивали себя дровами, картофелем, до блеска драили полы в школе, но особое положение занимал столовый блок – он радовал не только глаз.

И хотя Белоруссия тогда жила не слишком богато, о своих защитниках государство заботилось: курсантские щи никогда не бывали постными, а в добротном обмундировании воспитанники школы выглядели щёголями.

Василия Маргелова с первого курса отличали дотошность и упорство в освоении военной науки. Теоретические занятия в ОБВШ подкреплялись хорошей армейской практикой – в течение учёбы курсанты должны были пройти стажировку: на втором курсе – в должности командира отделения, на третьем – командира взвода».

Благодаря своему характеру, а также существенному жизненному опыту (для своих лет) Василий Филиппович уже с первых месяцев учёбы «вошёл в число отличников по огневой, тактической и, конечно же, политической подготовке. Никто не мог сравниться с ним по меткости стрельбы из револьвера „Наган“, винтовки „трёхлинейки“, пулемёта „Максим“. За эти успехи он был зачислен в группу снайперов и получил личный пистолет ТК (Тульский, системы С.А. Коровина, калибра 6,35 мм). Этот маленький пистолет в начале 30-х годов очень любили командиры Красной Армии». (*А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.*)

На втором курсе Василия Филипповича назначают старшиной роты. Показывая пример своим товарищам в освоении военного дела, он немало времени уделял их физической закалке.

В 1929 году его переводят из кандидатов в члены партии, а в 1930-м избирают членом бюро ячейки ВКП(б).

Сегодняшней молодёжи это уже ни о чём не говорит, а тогда это считалось значительными успехами в каждой личной биографии. Ими непременно гордились, причём гордились совершенно искренне.

В начале 1931 года Минская военная школа готовилась организовать лыжный пробег в Москву. Он был связан с пятидесятилетним юбилеем наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова. Тогда это было модно. А с 6 по 21 февраля 1931 года десять курсантов, совершив 800-километровый бросок, доставили К.Е. Ворошилову «Рапорт о достижениях и недочётах» ОБВШ и лично поздравили наркома в столице.

Генерал-лейтенант И.И. Лисов был одним из участников этого пробега. В своей книге мемуаров он рассказывает об этом так: «... Тогда у нас не было спортивных лыж, хорошего крепления, одежды и обуви, хоть приблизительно похожих на нынешнее снаряжение спортс-

менов. Шли мы на армейских лыжах-досках, с плохим креплением, в сапогах и „будёновках“ на голове.

Февраль был снежный и морозный. Шли мы вдоль железной дороги по обочине. Был случай, когда курсанта Володю Котова, крепенького паренька небольшого росточка, порывом сильного ветра сорвало с насыпи под откос в глубокий снег и тут же занесло. Он шёл в группе последним, и в пургу никто не заметил этой потери.

Уже прошли порядочно от места исчезновения курсанта, и Маргелов, пропуская мимо себя цепочку ребят, обнаружил „недостачу“ в строю и, доложив курсовому командиру, старшему нашего перехода, тут же повернул всех нас назад на поиск „самовольщика“, оставившего без разрешения строй. Долго мы искали его в этой метельной круговерти, рассыпавшись по всей насыпи, и только случайно перед наступлением темноты по торчащей из сугроба лыже нашли его. Видимо, от усталости Володя нечаянно уснул, укрыв лицо под шлемником.

После этого случая Маргелов не шёл по старшинству впереди за курсовым командиром, а по своей инициативе стал замыкающим. Больше до самой Москвы у нас не было отстающих. В столицу пришли без обмороженных или исхудавших, крепкими, загорелыми. Только лыжи наши превратились действительно в гладкие доски, даже продольные борозды стёрлись до основания, но задачу мы свою выполнили, в Москву прибыли вовремя.

Мы не раз вспоминали с Василием Филипповичем этот далёкий поход тридцатых годов и нашу курсантскую жизнь, отправляясь на лыжную прогулку, уже будучи в больших чинах и званиях».

К слову, только в один день курсанты проходили по 60–70 километров. Шли они с раннего утра до позднего вечера. А в самый последний день преодолели более ста километров.

За этот переход Маргелов получил свою самую первую награду – золотые именные часы – «луковицу».

В этот поход очень рвался будущий маршал И.И. Якубовский, учившийся вместе с Маргеловым. Но его не взяли из-за огромного роста. Побоялись, что не выдержит длительного перехода на лыжах. Пройдёт много лет, и Иван Игнатьевич в разговоре с однокашником однажды обронит:

– А помнишь, Василий Филиппович, как не взял ты меня в лыжную команду?

– Зато вы маршалом стали, – отшутился Маргелов.

Весной 1931 года, выдержав серьёзные испытания, старшина Маргелов окончил Минскую школу с отличием. Кто знает, о чём думал он, стоя в парадном строю в новенькой с иголочки форме, прощаясь с Боевым знаменем? Но торжественный марш, завершающий ритуал, не мог не тронуть его душу, прикипевшую за эти несколько лет к военной службе. У Василия Филипповича было достаточно времени понять и принять профессию защищать свою родину...

Но пройдут десятилетия, и 26 июля 1971 года состоится премьера художественного фильма «Офицеры». По сюжету фильма внук Трофимовых – Иван выберет службу в ВДВ.

Дело в том, что сам автор Борис Васильев служил в годы войны в воздушно-десантном полку. В заключительной части повести он напишет: «На военном аэродроме в трюмы огромных транспортных самолётов вползают танки.

В самолёты садятся десантники в полной боевой выкладке. У трапа стоит в такой же выкладке капитан Трофимов и пропускает мимо себя своих солдат».

Но в фильме есть небольшие дополнения. Говорят, их внесли в сценарий по рекомендации В.Ф. Маргелова...

А тогда, в 1931 году, красный командир Маргелов получил назначение в 99-й полк 33-й стрелковой дивизии, дислоцирующейся в Могилёве.

Глава 2

Становление командира

Первая должность Маргелова в стрелковом полку была, с одной стороны, обычной для его рода войск – командир взвода. И необычной, ответственной, значимой, с другой – командир пулемётного взвода полковой школы.

Однако с самых первых дней «молодой краском зарекомендовал себя в глазах командования полка и дивизии как грамотный, волевой и требовательный начальник. Вместе с личным составом взвода он буквально сутками пропадал на полигонах и стрельбищах, досконально отработывая с подчинёнными все боевые задачи и упражнения. При этом большое внимание Василий Маргелов уделял физической подготовке, и в особенности – лыжам. И вполне закономерно, что его взвод за рекордно короткое время вышел в передовые. Прошло некоторое время, и Маргелов стал командиром взвода полковой школы, в которой готовились младшие командиры РККА». (*А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.*)

И здесь Маргелов добивается несомненных результатов. Однако в 1932 году его зачисляют в Оренбургскую школу лётчиков и лётнабов.

К слову, к этому шагу в его жизни мог подтолкнуть IX съезд ВЛКСМ, состоявшийся в 1931 году. Съезд призывал комсомольцев идти в авиационные школы, приняв шефство над Воздушным флотом страны. И надо сказать, на призыв Ленинского комсомола молодёжь Советского Союза откликнулась горячо. Только в 1931–1936 годах в авиационные школы было принято 30 тысяч коммунистов и комсомольцев. Комплектование школ шло за счёт гражданской молодёжи и военнослужащих. Из числа последних комплектовались подразделения слушателей с годичным сроком обучения. При этом теоретическая и лётная программы требовали от курсантов и слушателей больших усилий.

Например, в 1932 году на вооружение Оренбургской школы поступили самолёты Р-1 и У-2. Весь лётный и технический состав напряжённо осваивал теорию и практику эксплуатации новой авиационной техники без лётных происшествий.

В 1932 году в части и соединения РККА стали приезжать «покупатели» из ВВС, отбирая наиболее грамотных и годных к лётной работе бойцов и командиров. Вот только возраст абитуриентов ограничивался двадцатью пятью годами.

Поступив в эту школу, Василий Филиппович сразу же стал на два года моложе. Есть данные, что Маргелов в действительности родился в 1906 году. Тогда, в 1932 году, ему было уже 26 лет. Следовательно, причина такого «омоложения» вполне объяснима.

Но всё-таки судьбе было угодно не дать Маргелову завершить обучение... Случилось непредвиденное...

Сидел как-то слушатель в учебном классе и с энтузиазмом, а может, и по отработанной привычке чистил пистолет. При этом вполголоса напевал довольно распространённую шуточную курсантскую песню про первых лиц Красной Армии и героев Гражданской войны на мотив песни о Конной армии:

Сидел бы ты, Будённый, на коне верхом,
Держался с Ворошиловым за хвост вдвоём.
Сидеть вам на кобыле,
Не летать на «Либерти»,
Зануды вы, зануды, вашу мать ети.

И надо было такому случиться, в класс незаметно вошёл комиссар. Говорят, шуму было много, «разобрали» Маргелова по партийной линии, но не пожурили, а наказали, объявив выговор.

В полк он уже не вернулся, получив назначение командиром взвода в родное Минское военное училище. Состоялось оно в январе 1933 года.

Когда спустя почти полвека журналисты поинтересуются у генерала Маргелова, почему он выбрал воздушно-десантные войска, Василий Филиппович ответит не без юмора: «Когда пулемёт мне надоел, решил стать лётчиком...» И пусть это желание не осуществилось, всё же какое-то представление об этой профессии он получил. Бывает так, что в жизни могут пригодиться и не самые удачные её моменты. Как опыт...

Оказавшись в училище, в котором ещё несколько назад учился, Маргелов ещё раз подтверждает свои командирские знания, умения и навыки, постепенно превращаясь в прекрасного педагога. Уже в феврале 1934 года его назначают помощником командира роты, а в мае – командиром пулемётной роты.

Б. Костин в своей книге приводит обычный рабочий распорядок Василия Филипповича: «Огневая подготовка. Темы: „Управление огнём. Приборы управления огнём. Внутренняя и внешняя баллистика“ – на каждую 3 часа, преподаватель Маргелов. Тактическая подготовка. Темы: „Пулемётный взвод в наступлении и обороне. Взаимодействие со стрелковыми подразделениями“ – на каждую по 6 часов, преподаватель Маргелов. Строевая подготовка. Тема: „Парадные строи“ – старший лейтенант Маргелов. Физическая подготовка. Темы: „Упражнения на гимнастических снарядах. Трамплины и лыжи“ – преподаватель Маргелов».

При этом даже ленинский уголок 4-й роты был одним из лучших в училище.

В очередной аттестации на командира 4-й курсантской роты будет указано: «Старший лейтенант Маргелов, командир пулемётной роты (Приказ НКО № 878 от 21.05.1936 г.), с должности помощника ком. роты, 1906 г.р., рабочий из крестьян, русский, закончил нормальную военную школу в 1931 году. Политически подготовлен хорошо. В партийной жизни активен. Парторг, член бюро. В училище с 1933 года. Военная подготовка хорошая. Энергичный, подвижный. Выдержанный и напористый в работе, растущий командир. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть выдвинут помощником комполка по строевой части».

Как всегда дружен был Василий Филиппович и со спортом: «Спортивная жизнь в столице Белоруссии с введением комплекса ГТО обрела как бы второе дыхание, – пишет Б. Костин. – И на всех соревнованиях честь училища непременно защищал Василий Маргелов. После первой пробы сил в августе 1937 года семнадцать офицеров и курсантов должны были предстать перед проверочной комиссией, приехавшей из Москвы. О результатах проверки свидетельствует заметка в газете:

„Приказом Комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркомом СССР от 29.08.1937 года за № 285 награждается значком ГТО 2-й степени:

1. Маргелов Василий Филиппович...“

Всего в списке было десять человек».

Осенью 1938 года капитан В.Ф. Маргелов в порядке выдвижения был назначен командиром 2-го батальона 23-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии и в декабре прибыл к новому месту службы.

В аттестации, утверждённой в новой должности, говорится: «Над повышением своего политического уровня работает. С беспартийной массой связан. За короткий период завоевал авторитет среди бойцов и командиров. В своей практической работе искривлений партийной линии не имел...»

Тактически развит хорошо. Технические средства борьбы знает. Стрелковое дело знает хорошо и сам хороший стрелок. Хороший методист.

Требовательный к себе и подчинённым. Обладает твёрдой волей. В проведении в жизнь принятого решения настойчив...

Физически развит, в походах вынослив. Батальоном командует несколько дней, но быстро сколотил и мобилизовал красноармейскую массу на выполнение поставленных задач путём развития социалистического соревнования и ударничества...

Вывод: Должности командира батальона вполне соответствует. Растущий, энергичный, старательный командир.

Подлежит присвоению военного звания в очередном порядке „МАЙОР“.

Но до майора нашему герою было ещё далеко, ведь «капитана» ему присвоили только недавно, всё в том же 38-м году.

Зато 1 сентября 1939 года в 11 часов дня в наркомат иностранных дел СССР явился советник германского посольства в Москве Г. Хильгер и сообщил о начале войны с Польшей. 3 сентября германское посольство получило задание министра иностранных дел И. Риббентропа прощупать намерения СССР относительно возможного вступления Красной Армии в Польшу. Однако советское правительство пока только думало...

7 сентября 1939 года И.В. Сталин всё-таки выразил своё отношение к начавшейся в Европе войне так: «война идёт между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону».

При этом советский лидер охарактеризовал Польшу как фашистское государство, угнетающее другие народности, заявив: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население».

Поэтому уже 2 сентября на советско-польской границе был введён режим усиленной охраны в связи с германо-польской войной.

3 сентября нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов просил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить задержку увольнения красноармейцев и младших командиров на 1 месяц в войсках Ленинградского, Московского, Калининского, Белорусского и Киевского особых и Харьковского военных округов (310 632 человека) и призыв на учебные сборы приписного состава частей ПВО в ЛВО, КалВО, БОВО и КОВО (26 014 человек).

4 сентября согласие правительства было получено, и Ворошилов отдал соответствующий приказ.

6 сентября, ближе к ночи, в семи военных округах была получена директива о проведении скрытой мобилизации или «Больших учебных сборов»...

В этих «сборах» приняли участие управления 22 стрелковых, 5 кавалерийских, 3 танковых корпусов, 98 стрелковых, 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых и 3 мотострелковые бригады. Всего же было призвано 2 610 136 человек, 634 тыс. лошадей, 117 439 автомашин и 18 900 тракторов.

В преддверии кампании по освобождению западных областей Белоруссии и Украины, утерянных по условиям Брестского мира большевиками, Маргелова назначают начальником

2-го отделения штаба стрелковой дивизии, а по совместительству ещё и начальником разведки.

«7 сентября штаб дивизии был поднят по тревоге, – пишет Б. Костин. – Комдив полковник Фурсин и полковой комиссар Бурылин были вызваны к командарму 4-й армии В.И. Чуйкову. В этот же день В. Маргелов получил приказ вскрыть конверт. Распоряжение гласило: поднять войсковые части на большие учебные сборы по литеру „А“, что соответствовало проведению скрытой мобилизации. Слово „мобилизация“ категорически было запрещено употреблять как в устных, так и в письменных приказах, что вовсе не меняло сути процесса приведения дивизии в полную боевую готовность. <...>

10 сентября 8-я стрелковая дивизия, доукомплектовываясь, начала погрузку в эшелоны. Для переброски соединения к государственной границе их требовалось ни много ни мало 48 единиц. Сразу выяснилось, что железная дорога не способна выдержать такого напряжённого графика работы. И всё же к исходу 14 сентября части дивизии сосредоточились в районе Большая Раевка – Дубровичи – Конотоп – Пруссы. К этому времени их общая численность, которая по штатам военного времени должна была составлять 16 126 человек, достигла 15 011».

11 сентября на базе БОВО были сформированы и развёрнуты управления Белорусского фронта (командующий – командарм 2-го ранга М.П. Ковалёв). Витебская, Бобруйская и Минская армейские группы БОВО были 15 сентября 1939 г. развёрнуты соответственно в 3-ю (командующий – комкор В.И. Кузнецов), 4-ю (командующий – комдив В.И. Чуйков) и 11-ю (командующий – комдив Н.В. Медведев) армии. «Кроме того, из управления МВО согласно приказу Генштаба от 9 сентября выделялось управление 10-й армии (командующий – комкор И.Г.Захаркин), передававшееся в состав Белорусского фронта, куда оно передислоцировалось 11–15 сентября, и в составе фронта формировалась Конно-механизированная группа (КМГ) (командующий – комкор В.И. Болдин)». (М.И. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина.)

В состав 4-й армии входили: 31-й батальон охраны, 8-я, 55-я, 143-я стрелковые дивизии, 29-я и 32-я танковые бригады, два батальона связи и части армейского подчинения.

К вечеру 16 сентября войска Белорусского фронта были развёрнуты в исходном районе для наступления, а 17-го в 5.00 передовые и штурмовые отряды Красной Армии и пограничных войск перешли границу...

Как сообщает М.И. Мельтюхов: «На фронте 4-й армии к исходу первого дня наступления 29-я танковая бригада заняла Барановичи и расположенный здесь же укрепленный район, который не был занят польскими войсками, а 8-я стрелковая дивизия продвинулась до Снува. К исходу 18 сентября 29-я и 32-я танковые бригады вышли на р. Щара южнее Слонима, а 8-я стрелковая дивизия прошла Барановичи. К исходу 19 сентября 29-я танковая бригада вошла в Пружаны, 32-я танковая бригада – в Миньки на шоссе Барановичи – Брест, 8-я стрелковая дивизия достигла р. Щара, а подошедшая 143-я стрелковая дивизия совершала марш южнее Барановичей. К вечеру 20 сентября 29-я танковая бригада находилась западнее Пружан, 32-я танковая бригада – в Кобрине, 8-я стрелковая дивизия – в Ружанах, 143-я стрелковая дивизия – в Иванцевичах».

К слову сказать, это была самая первая война Маргелова. А всего их будет пять...

На первой войне было и первое боевое задание...

Рассказ об этом записал со слов самого Василия Филипповича автор биографической книги о нём Б. Костин:

«– Василий Филиппович, – обратился ко мне комдив. – Ни о том, какой в Ляховичах гарнизон, ни об обороне поляков сведений нет. Дерзости тебе не занимать. Бери броневик, отделение автоматчиков. Но только прошу, не лезь на рожон и действуй аккуратно. Город мы должны взять малой кровью. Задача ясна?»

– Так точно! – ответил я.

– На знакомство с группой и подготовку к выполнению боевой задачи даю один час, а затем – вперёд.

– Есть, – козырнув, ответил я.

Водитель и автоматчики были не новичками в Красной Армии, и долго объяснять им суть предстоящего не пришлось. На мой вопрос, есть ли у них какие-либо предложения или просьбы, они попросили разрешения взять побольше боеприпасов.

Убедившись в надёжности своих бойцов, я проверил, как они подготовились к выполнению боевой задачи, после чего доложил командованию о том, что через пять минут отправляемся на выполнение задания.

Получив „добро“, мы двинулись в путь. Дорога была длинной. Спустя некоторое время увидели скелет сгоревшей легковушки, а через несколько километров – взорванную танкетку. Остановились, огляделись. Мост через речушку был свободен. Пролетев его на бешеной скорости, въехали на окраину. Заглушили двигатель. На улицах – ни единой души. Казалось, город знал, что скоро штурм. Жители попрятались, как перед бурей, магазины были закрыты.

Вдруг, откуда ни возьмись, к броневнику подбежал мальчонка лет двенадцати.

– Вы советские? – спросил он.

– Да. А ты кто такой? – спросил я.

– Советские – значит наши. А я местный, – ответил паренёк, – зовут Янко.

– Ладно, Янко, раз ты местный, то и показывай дорогу к ратуше.

Мальчонка проворно вскарабкался на переднее сиденье, и спустя некоторое время броневик подскочил к ратуше. Поблагодарив хлопчика и пожав ему на прощание руку, я с автоматчиками направился к входу в здание, условившись с водителем о том, чтобы минут через десять он дал из пулемёта очередь в воздух.

Возле входной двери стояли два полусонных полицейских, которые, завидев нас и броневик со звездой на башне, стали изумлённо протирать глаза. Сообразив, что это не сон, они бросили оружие и пустились наутёк.

Путь в ратушу был свободен, и мы смело шагнули в здание. На первом этаже никого. На втором – тоже. На третьем путь нам преградили два польских жандарма, но направление дула автоматов поумерили их пыл. Я понимал польский и уяснил, что сейчас у бургомистра идёт совет, решавший, как и чем предстоит оборонять городок.

Связав на всякий случай перепуганных до смерти жандармов, мы ворвались в большую комнату: „Руки вверх! – громко скомандовал я. – Шановне панове! Вы арестованы. Сопrotивление бесполезно. Наши войска уже заняли все подходы к городу. Вам, полковник, советую прямо сейчас связаться со своим полком и распорядиться о сдаче частям Красной Армии“.

И тут, в подтверждение моих слов, прогремела длинная пулемётная очередь. Эффект её был впечатляющим. Трясущимися руками командир полка польских жолнежей взял телефонную трубку и слово в слово повторил в неё мой ультиматум. Мы вывели из ратуши городскую голову, начальника полиции, полковника, дав ещё для острастки вверх несколько очередей, отправились в обратный путь. Город был занят нашей дивизией без единого выстрела».

Соответственно за такое образцовое выполнение боевого задания вся группа была представлена к правительственным наградам. Но этому событию помешал, как всегда, случай.

«На радостях мои друзья-сослуживцы собрались вечером в ресторане городка, уже занятого к тому времени без единого выстрела нашими войсками. Отметив мою удачу, которую боевые друзья единодушно назвали подвигом, обильными возлияниями, мы захотели

потанцевать с местными панёнками, оставшимися в городке. Девушки с удовольствием танцевали с молодыми статными офицерами и с не меньшим удовольствием присаживались за наш стол выпить и закусить в весёлой компании.

Веселье наше расстроили, судя по всему, зажиточные местные граждане еврейской национальности, также находившиеся в ресторане и праздновавшие что-то.

– Вася, – сказал один из моих товарищей, – над тобой жида смеются.

Действительно, за одним из столов еврейская компания показывала на мою перевязанную щёку и легкомысленно между собой пересмеивалась.

Офицеры схватились за пистолеты, а я – за свой „маузер“, который направил вверх. Выстрел прозвучал неожиданно – люстра, висевшая под потолком, разлетелась вдребезги. Насмешников как ветром сдуло. Зато почти мгновенно появились наши ребята из военной комендатуры и препроводили всех на гауптвахту, где оставили нас отдохнуть до утра на свежем сене.

Утром при разборе происшествия я взял вину на себя. Боевую награду мне не дали, но зато для моих друзей всё закончилось без последствий», – вспоминал десятилетия спустя Василий Филиппович.

За время боевых действий дивизия, в которой служил Маргелов, потеряла убитыми 9 человек и ранеными – 21. Потом был выход на демаркационную линию, определённую договорённостью с немецким командованием. А 3 октября 1939 года восьмая стрелковая дивизия начала закрепляться на ней.

Как пишет Б. Костин: «Это были блаженные дни. Более двух недель Маргелов не снимал гимнастёрку, недосыпал и недоедал, проделав с бойцами трёхсотверстный путь. И вот теперь – жаркая баня, чистое бельё и обильное хлебосольное застолье».

Но служба продолжалась и тем более для капитана Маргелова...

Второе боевое задание было ещё более ювелирным: добыть у немцев, пока ещё «союзников», секретный противогаз. Приказ поступил в разведуправление Белорусского фронта аж из самой Москвы. Соответственно оттуда по нисходящей вниз до соединений...

Вот как об этом рассказывают сыновья Василия Филипповича со слов отца: «Поскольку времени на подготовку к выполнению задания не было и зная о том, что к немцам собираются выезжать начальник штаба и начальник особого отдела дивизии, отец, тщательно всё продумав, доложил командиру дивизии своё решение.

– Задача деликатная, для её выполнения требуется один человек, но с хорошим „прикрытием“, – задумчиво сказал он. – У меня, конечно же, есть дерзкие, хорошо подготовленные разведчики, но тем не менее прошу разрешить выполнение задания мне лично. Выезжаю вместе с начальником штаба и начальником особого отдела дивизии. А там в расположении немецких войск действую по обстановке. Одновременно в своём батальоне ставлю задачу подчинённым по отработке операции.

Командир дивизии задумался, глядя в глаза капитану: „Велика ответственность“, – но, не заметив ни тени сомнения, пожал руку и сказал:

– Машина будет через полчаса. Там никто помочь вам не сможет. О вашем задании начальники будут знать. Вся ответственность – на вас. Удачи, капитан. Я буду ждать вашего возвращения, но, если попадёте немцам, рассчитывайте только на себя.

Ровно через полчаса Маргелов и его спутники были в пути. По дороге разговор был общий – о предстоящих переговорах с „союзниками“, но временами отец замечал короткие напряжённые сочувственные взгляды собеседников. Командир известил их о боевой задаче.

Наконец, приехали на место. Переговоры продолжались не один день, дело шло по намеченному плану. Появилась выпивка, закуска. Провозглашались тосты, о которых отец вспоминал потом, через пару лет, с горькой усмешкой. Пока „союзники“ изощрялись в красноречии, разведчик незаметно наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Заметил, как мимо открытой из-за жары во двор двери прошли два немецких солдата с нужными ему противогазами. Притворяясь слегка пьяным и изобразив смущённую улыбку, отец попросил разрешения у начальника штаба выйти „до ветра“. Присутствующие заулыбались, отпуская шутки в адрес „слабака“, и позволили ему идти. Изображая нетвёрдую походку, капитан, зорко оглядываясь по сторонам, направился в сторону походного сортира, где заметил „своих“ немцев. Один из них скрывался за дверьми, другой ожидал своей очереди. Отец, покачиваясь и улыбаясь, подошёл к немцу и, как бы не удержав равновесия, упал в его сторону... ножом вперёд. Срезав противогаз, он прикрываясь убитым, ввалился к его приятелю. Там быстро покончил и с ним... Трупы сбросил в отхожее место и, убедившись, что они затонули, вышел наружу.

Забрав оба противогаза, он незаметно добрался до своей машины и надёжно спрятал их. Затем вернулся к „столу переговоров“ и выпил свой стакан водки. Немцы одобрительно загудели и стали предлагать шнапс. Однако наши командиры, поняв, что разведчик своё дело выполнил, стали прощаться. Вскоре они уже катили обратно.

– Ну что, капитан, добыл?

– Целых два, – похвалился отец.

– Но ты ж не забудь, что мы тебе помогали... как могли, – сказал „особист“. Начальник штаба промолчал. Нарушая воцарившееся внезапно молчание, отец, закулив папиросу, сказал, обращаясь к водителю:

– Гони, боец, быстрее.

За окнами машины быстро проносились деревья, впереди – речушка. Машина въезжает на мост и... вдруг взрывает».

Что ж война есть война! Машина, в которой ехали советские командиры, подорвалась на mine. А это значит – засада! Тут же из леса показались фигуры всадников, стреляющих на ходу и приближающихся к машине... Капитан Маргелов, «превозмогая боль, пристыковал пистолет Маузер к деревянной кобуре и стал отстреливаться. Вот он сбил первого всадника, затем – следующего... Кровь заливала глаза, мешая вести прицельную стрельбу. И тут немцы, услышав стрельбу, пришли на помощь. Отбив атаку, они взяли русского капитана с собой, отвезли его в госпиталь, где немецкий хирург прооперировал ему переносицу. Шрам же на левой щеке остался памятью о тех днях на всю жизнь...»

Судьба словно хранила Василия Филлиповича для будущих дел, ведь в этот раз, кроме него, погибли все: и шофёр, и начальник штаба, и «особист»!

А тем временем всю шла подготовка к войне с Финляндией. В конечном итоге 17 ноября 1939 года Генеральный штаб РККА отдал директиву за номером 0205/Оп о переходе в наступление против финских войск...

Следующая директива, № 4715, отданная Военным советом Ленинградского военного округа 21 ноября, указывала день и час наступления.

О начале войны возвестят залпы артиллерийской подготовки в 8 часов утра 30 ноября 1939 года, чтобы через час после её окончания войска 7-й армии пересекли границу на Карельском перешейке. В наступление перейдут также 8-я, 9-я и 14-я армии. Но пока никто ещё не будет знать, что эта, наскоро подготовленная, война примет затяжной характер. Она будто специально круто повернёт судьбу Маргелова, ибо там, на заснеженных просторах, понадобится много опытных лыжников.

Капитан Маргелов назначен командиром Отдельного разведывательного лыжного батальона 596-го стрелкового полка 122-й стрелковой дивизии.

«30 ноября в 8.00 утра передовые лыжные отряды перешли финскую границу. Встретило их злобное завывание вьюги, бездорожье и редкие автоматные очереди, которые жалили лыжников, словно осы, – читаем в книге Б. Костина „Маргелов“. – 596-му стрелковому полку при поддержке 285-го арtpолка предстояло овладеть местечком Юликуртти –

Алакүртти и в дальнейшем наступать в направлении реки Куалаикки, перейти её и занять городок Кайрала.

Тактика финнов такова: мелкие группы внезапно вылетают на лыжах из леса, ведут огонь из автоматов и пулемётов и так же внезапно исчезают. Погоня напрасна. Попытались разведчики догнать нападавших – угодили в засаду.

Вечером капитан Маргелов с отрядом ворвался в Юликуртти. Стычка была короткой, но когда городок оказался в руках разведбата, в нём не осталось ни одного целого дома. Спалив их дотла, жители бросили всё, бежав от „зверств кровожадных оккупантов“. Такими финская пропаганда рисовала бойцов и командиров РККА. Но вот и первый пленный. Достался он маргеловцам в бою и, дрожа от страха, поведал не слишком многое. <...>

В одном из боевых донесений командира 596-го полка говорится: „Разведка ведётся непрерывно. 2-й батальон выполняет особую задачу“. В разведывательной роте, которой командовал лейтенант Петров, вместо 80 человек к этому времени в строю находилось 42 бойца. Маргеловские лыжники выходили в дозоры на пределе сил – без них бы полк не продвинулся и на километр.

Между тем вся 122-я дивизия, к слову, не имевшая ни одного танка, едва ли не ползла по единственной проходимой дороге. Для вездесущих шюцкоровцев, которые совершали рейды по тылам, дезорганизуя снабжение войск, – благодатная нажива.

Заняв Алакүртти, передовой отряд полка тронулся в путь. Преградил его сильный огонь. В том, что финны засели в прочных укреплениях, Маргелов сомнения не имел, как не сомневался он и в том, что противник уготовил огневую ловушку для главных сил. Риск был велик (связь комполка осуществлялась только посыльными), к тому же финны оказались предусмотрительными и вырубил напроць лес у себя в тылу – обход был бесполезен. Однако Маргелов принял решение на разведку боем.

Поставив задачу командирам рот, комбат вместе с начальником штаба выбрали позицию, с которой стали наблюдать за ходом боя. Первая, а затем и вторая атаки батальона были отбиты. По разведчикам били миномёты, несколько раз ухнули пушки. Укрепрайон ожил и тем самым раскрыл себя. А тут ребята Петрова, разведчики-ползуны, приволокли пленного.

На следующий день полк, поддержанный артиллерией, шёл в атаку не вслепую. И всё же бой был упорным и продолжался почти двое суток. Исход его решил подошедший 273-й полк с гаубичным дивизионом».

В своём достаточно аргументированном исследовании Советско-Финляндской войны профессиональный историк П. Аптекарь подчёркивает: «Основная же масса финских войск, входивших в армию „Карельский перешеек“, с самого начала войны заняли позиции на главной полосе сопротивления – „линии Маннергейма“, которая располагалась значительно дальше, чем предполагали разведчики штаба Ленинградского ВО. Уже эти первые бои с противником, значительно уступавшим и в численности, и в вооружении, ясно показали большинство недостатков в организации войск и боевой подготовке наших бойцов и командиров. Ввиду скверного использования лыж (неумения ходить на них), а зачастую и их отсутствия части и подразделения Красной Армии вовсе не применяли обходных маневров и атаковали финнов в лоб, что вело к излишним потерям. Плохо была поставлена служба разведки и боевого охранения, что позволяло финским разведывательно-диверсионным группам довольно вольготно чувствовать себя в тылу 7-й армии.

Документы говорят также о плохом взаимодействии родов войск: пехота не умела идти за танками, встретив даже слабый заградительный огонь противника, стрелки залегали и предоставляли решение исхода боя танкистам. Известен случай, когда командир танковой роты 20-й танковой бригады даже возвратился под огнём противника к подразделениям стрелков и попытался уговорить их пойти за танками, но пехотинцы не сделали этого. Лишь в 70-й сд пехота шла за боевыми машинами и закрепляла их успех. Танкисты не всегда

грамотно увязывали свои действия с артиллеристами, которые не всегда вовремя поддерживали их наступательный порыв подавлением огневых точек противника. В первые дни боёв нередки были и случаи артобстрела своих передовых стрелковых подразделений. Часто артиллеристы, не имея достоверных разведывательных данных, вынуждены были выбрасывать тонны боеприпасов по площадям, а пехота после артиллерийской подготовки натыкалась на огонь неподдавленных пулемётов и миномётов».

Так и воевали...

Солдат и непосредственный участник той войны А. Деревенец вспоминая её, напишет: «Схватка и правда была жестокой, ухватки не было. Было тупое исполнение тупых приказов тупых военачальников и тупых стратегов. В своих воспоминаниях один из офицеров в период „оттепели“, когда можно было сказать правду, писал о своём разговоре с маршалом Малиновским.

– Какова наша стратегия? – спрашивал офицер маршала.

– Какая стратегия? Прогрызай оборону противника – вот и вся стратегия, – ответил маршал.

И наша пехота прогрызала оборонительные линии предполья и железобетонные доты линии Маннергейма, устилая свой путь трупами в лобовых атаках. За просчёты мудрых политиков и стратегов армия и народ заплатили кровью».

Но вернёмся к рассказу Б. Костина.

«На Кандалакшское направление, которое считалось не менее важным, чем линия Маннергейма, был переброшен шведский экспедиционный корпус. Соппротивление противника нарастало. Об этом говорят и выдержки из боевых донесений:

„8 декабря противник сжёг Куомиярви. Жаркий двухчасовой бой. Засады“.

„9 декабря. Вылазки в тылу“.

„15, 16, 17 декабря. Противник отбил все атаки наших частей“.

„23 декабря. Полк начал отход. Противник, активно действуя на флангах и тылах, напал на обозы и портил линии связи“.

„25 декабря. В налёте на штаб и тылы дивизии принимал участие 1-й Сальский батальон“.

Проникнувшие в тыл финны не гнушались ничем и вырезали до последнего человека весь медсанбат, не пощадив ни раненых, ни медсестёр. Трудно представить, какие чувства испытывали комдив Шевченко и комиссар Лисицын, глядя на гору трупов, застывших в страшных предсмертных позах. Увиденное взывало к возмездию. Приказ командира дивизии Маргелову был коротким:

– Действуй, капитан.

Прежде чем отправиться в рейд, Маргелов построил лыжников и без слов повёл к медсанбату, подвергнувшемуся нападению извергов. Картина, представшая перед глазами, была ужасающей, кровь стыла в жилах. Поиск привёл разведчиков в глубокий тыл 4-го армейского корпуса финнов. Под ударами штыков и ножей пал весь банно-прачечный отряд, беззаботно отдыхающий после дневных трудов. Разведчики разбросали листовки: „Месть сальцам за русский медсанбат“. Откровенно говоря, не любил В.Ф. Маргелов вспоминать о войне с Финляндией. Всё на ней шло как-то не так, не по привычной логике, и порой трудно было определить, где передний край, где фланги, где тыл. Приноровиться к такой обстановке могли лишь тот командир, который имел особое чутьё, мгновенную реакцию и, конечно, отменные физические данные. Отмахать сотню вёрст по тылам врага незамеченным и вернуться с отрядом в полном составе удавалось немногим».

Зато в ходе последующей кампании попыток нападения на медицинские учреждения советских войск отмечено не было.

К слову сказать, в батальоне Маргелова служили и воевали выпускники спортивных институтов из Ленинграда и Москвы имени Лесгафта и имени Сталина, отличные спортсмены-лыжники. Именно они совершали дерзкие рейды по тылам противника, устраивали засады, нанося противнику большой урон.

Об одном из таких рейдов батальона рассказывают сыновья В.Ф. Маргелова: «Однажды, углубившись на финскую территорию километров на десять, бойцы обнаружили свежую лыжню противника. „Устроим засаду“, – объявил своё решение командир батальона: „Первая рота – направо, вторая – налево, третья рота проходит на двести метров вперёд и отрезает противнику путь к отступлению. Взять в плен несколько человек, желательно офицеров“, – отдал он боевой приказ.

Возвращавшиеся по своей лыжне вражеские лыжники не заметили наших замаскированных бойцов и попали под их шквальный огонь. В ходе короткого и яростного боя комбат успел разглядеть, что у некоторых солдат и офицеров странная форма, непохожая на финскую. Никто из наших бойцов не мог даже подумать, что здесь возможна встреча с солдатами нейтральной страны. „Раз не в нашей форме и вместе с финнами, значит – противник“, – решил командир и приказал взять в плен, в первую очередь, врагов, одетых в эту странную форму. Были, к сожалению, и убитые с нашей стороны. Доставить их через линию фронта в расположение наших войск делом было весьма сложным. Мало того что пленных надо было тащить буквально на себе, нельзя было при этом допустить, чтобы они замёрзли. При стоявших тогда суровых морозах в условиях неподвижности или даже малоподвижности, например в случае тяжёлого ранения, смерть наступала очень быстро. Линию фронта удалось преодолеть без потерь. В ходе боя 6 человек были взяты в плен, но не финны, а... шведы. Их сразу отправили в Москву.

Но это было позже. Когда же добрались до своих, комбат опять получил „на всю катушку“. Опять НКВД, опять допросы. В ходе допросов Василий Филиппович и узнал, кого он взял в плен – шведских офицеров, изучавших возможность участия в войне на стороне Финляндии шведского Экспедиционного добровольческого корпуса, уже прибывшего в конце января – начале февраля на Кандалакшское направление. Приписали тогда комбату что-то вроде политической близорукости, мол, „нейтралов“ не распознал, не тех в плен взял, припомнили оставление своих убитых на поле боя, в общем, не избежать бы ему скорого военно-полевого суда и, скорее всего – расстрела, да командующий армией взял храброго командира под защиту».

В очередной раз оставшись без боевой награды, Маргелов, судя по всему, не расстроился.

– Зато Швеция осталась нейтральной, – частенько будет шутить Василий Филиппович.

Война с Финляндией была для него своего рода табу. Слишком много там было неоправданных потерь...

Но несмотря на эти трагические ноты, комбат лыжного разведбата огромное внимание уделял экипировке своих бойцов в ходе подготовки к очередному рейду во вражеский тыл. Он обращал внимание на все мелочи, считая это основой успеха в бою. И, конечно же, берёт своих подчинённых...

Кстати сказать, вот что пишет историк П. Аптекарь о состоянии 122-й стрелковой дивизии, в которой воевал батальон Маргелова: «122-я стрелковая дивизия до „Больших учебных сборов“ в сокращённом составе дислоцировалась в Белорусском Особом ВО. Она приняла участие в „Освободительном походе“ в Западную Белоруссию, а в октябре 1939 года была переброшена в район Кандалакши. Две трети личного состава поступили из военных комиссариатов Витебской и Могилёвской областей. Но, судя по дальнейшему ходу боевых действий, командованию дивизии удалось создать боеспособное соединение, значительная часть которого овладела искусством боевых действий на лыжах. Поэтому при контрударе

противника в районе Сала дивизия не поддавалась панике, как это случилось с 44-й и 163-й дивизиями». Весомый аргумент!

И тем не менее каждый день этой войны обходился Советскому Союзу в 1200 убитых бойцов и командиров, 6 сбитых самолётов и 23 подбитых танка...

Только 12 марта 1940 года был подписан мирный договор, а 13-го марта военные действия были прекращены.

Буквально через семь дней капитану Маргелову присвоят очередное звание «майор» (21-го) и назначат на должность помощника командира 596-го стрелкового полка...

Глава 3

Командир дисбата и создание ВДВ...

В октябре 1940 года майора Маргелова назначают командиром 15-го отдельного дисциплинарного батальона. Это новый поворот судьбы и совершенно новый опыт. Такое складывается впечатление, что сама жизнь постепенно и ненавязчиво вела его в воздушно-десантные войска...

«Решением военного совета Ленинградского военного округа Муравьевские казармы были признаны самым подходящим местом для размещения в них 15-го отдельного дисциплинарного батальона, – утверждает Б. Костин. – Командовать им был назначен майор Маргелов. Такой выбор нельзя назвать случайным. Во-первых, это было повышение по службе, а во-вторых, дисциплинарная часть находилась не только под пристальным вниманием командования и политуправления округа, но и военной прокуратуры и, конечно, НКВД. И только офицер с незапятнанной репутацией, пользовавшийся безусловным авторитетом у начальства, мог быть назначен на должность. Дисбат этот хотя и носил порядковый номер пятнадцать, но был, по сути, первым в Красной Армии. Майору Маргелову предоставлялось право отбора офицеров, только должность заместителя командира батальона по политической части находилась в ведении политуправления округа».

К слову сказать, дисциплинарный батальон – это особая воинская часть. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1940 года в дисциплинарный батальон направлялись военнослужащие рядового и младшего начальствующего состава, осуждённые военным трибуналом к лишению свободы на срок от шести месяцев до двух лет за самовольные отлучки.

О том, как Маргелов принимал этот дисциплинарный батальон, сам он рассказывал своим сыновьям следующее: «Отец вспоминал, как он принимал батальон. Прибыл он в его расположение с тремя офицерами, своими заместителями. Никто их не встречал. Остановил он одного бойца и спрашивает, где командование батальона. Тот как-то странно дёрнулся и указал на стоявший невдалеке блиндаж. Майор Маргелов приказал офицерам ждать его у входа, а сам смело шагнул внутрь. Он, конечно же, знал, что фактически заправляет батальоном какой-то уголовник, дисциплина в батальоне отсутствует напрочь, никакой боевой подготовки. В общем – сплошная анархия. При этом в батальоне было немало боевых офицеров, в том числе старших, а также младших командиров и солдат, попавших под влияние бывших уголовников, пытавшихся установить в дисбате свои порядки, основанные на законах преступного мира.

Войдя в блиндаж, Маргелов увидел здорового верзилу и с ним нескольких человек, сидевших за столом, уставленным бутылками с самогоном и закуской.

– Чего тебе? – спросил недовольно „вожачок“.

– Я новый командир батальона, – ответил отец.

В ответ он услышал непотребную брань, обозначающую пожелание убираться скорее подобру-поздорову в известном направлении. Удар тяжёлого отцовского кулака в ухо „вожачку“, сразу вернул последнему память – кто он, где он и за что. Тот пулей вылетел из блиндажа и заорал:

– Братва, стройся! Новый командир прибыл!

После знакомства с личным составом батальона майор перед строем призвал своих новых подчинённых оправдать оказанное им доверие кровью, а если потребуется – жизнью, доказать свою преданность Родине. В конце он добавил, что в случае „бузы“ пощады не будет».

Сложность командования таким батальоном заключалась не только в его особом контингенте, но и в особой численности. В дисбате Маргелова насчитывалось 2500 человек, что можно было приравнять лишь к стрелковому полку. Основной упор в части делался, безусловно, на воспитательную работу. Хотя и боевую подготовку никто не отменял. Пришлось Василию Филипповичу даже засесть за труды А.С. Макаренко. Вполне вероятно, что какие-то принципы этого советского первопроходца-воспитателя сформировали взгляды комбата.

«— Бойцы, — часто говорил Маргелов. — Пусть вам сегодня тяжело морально и физически, но в боях вы сможете показать, что вы настоящие воины. На вашей стороне будет умение побеждать и ненависть к врагу. И скоро вы снова займёте своё достойное место в жизни, я в это верю и сделаю всё от меня зависящее, чтобы помочь вам в этом!»

«Напряжённый служебный ритм Маргелова отражает книга приказов, — раскрывает специфику новой службы Василия Филипповича Б. Костин. — По частым его командировкам в Ленинград можно судить, с каким повышенным интересом в штабе ЛВО относились к нововведению. Характерно одно из донесений, подписанных Маргеловым: „Добиться полного исправления осуждённого дело чести ОДБ, вернуть его в свою часть, полностью заглотив вину перед родиной честной работой“.

Сухие строчки, конечно, не передают сложной атмосферы, в которой проходили будни дисбата. По прибытии новой группы все личные вещи, деньги и облигации складывались в индивидуальный чемодан. Пропажа, а тем более кража чего-либо из небогатого красноармейского скарба приравнивались к ЧП. „Вплоть до отдачи под суд“, — гласил приказ Маргелова. Это в том случае, если неблагоприятный поступок совершался кем-либо из постоянного состава. Если на добро товарища по несчастью покушался отбывавший наказание, срок пребывания в дисбате увеличивался вдвое.

В оружейной комнате — идеальный порядок: ровные ряды винтовок, вещмешки, противогазы. Маргелов, имевший за плечами две войны, планировал время таким образом, чтобы хозяйственные работы никоим образом не доминировали в распорядке дня. Тактические учения, марш-броски на лыжах, действия в ночных условиях и стрельбы — вот далеко не полный перечень боевых предметов, без получения положительной оценки по которым немислим был перевод из „разряда проштрафившихся“ в „разряд исправляющихся“.

Прекрасно зная все статьи дисциплинарного устава, Василий Филиппович не только осуждал вольное обращение с ним, но порой весьма жестоко пресекал эти попытки.

«Однажды ему стало известно, что младший политрук Н.А. Корниенко избил красноармейца Симонтабова, при этом выхватил пистолет и выстрелил вверх. Другой политрук, И.Ф. Ромашко, вмешался в происходившее и добавил несколько тумачков насмерть испуганному дисбатовцу. Их действия комбат посчитал необоснованными и потребовал обсуждения политруков на партсобрании. Даже сухие строчки протокола собрания передают эмоциональный накал выступления Маргелова: „Я считаю, что этот выстрел был сделан не случайно, а с тем, чтобы запугать красноармейца. Наша Красная Армия воспитывается в духе сознательности, а не на мордобитии. А поскольку таким делом занимаются политруки, то, без сомнения, на них глядя, и другим захочется испробовать силу в качестве такой методы. У меня такие сведения есть“. Маргелов настоял на исключении ретивых политработников из партии. Лишённые партийных билетов, они продолжали службу, но уже командирами взводов». (Б. Костин. Маргелов.)

В воскресный солнечный день 22 июня 1941 года к командиру батальона, который находился до полудня на купальне, прибежал вестовой и передал записку. В ней было написано только одно слово: «Война!», но Маргелов понял гораздо больше...

Между тем труды Василия Филипповича не прошли даром. Сам он неоднократно будет рассказывать, как «однажды во время артобстрела он вышел на открытое место — и тут его

сбивают с ног и закрывают своими телами трое его бойцов – как бы осколок в Батю не попал!» Это и была та самая высшая благодарность за его честную службу...

* * *

Теперь уже можно смело сказать, что служба Маргелова в пехоте шла практически одновременно с рождением и развитием советских воздушно-десантных войск. Только он сам тогда ещё не знал и не мог думать об этом. Но, сопоставляя факты его биографии, невольно возникает именно такое ощущение... Воздушно-десантные войска шли словно за его спиной, то приближаясь, то удаляясь на расстояние, чтобы однажды столкнуться лицом к лицу, соединившись навсегда.

Мистика? Может быть и так. Но ничего случайного в нашей жизни не бывает...

Как известно, день воздушно-десантных войск был установлен 2 августа, в честь первого парашютного десанта. 2 августа 1930 года, во время учений Московского военного округа под Воронежем, с самолёта «Фарман-Голиаф» ВВС РККА был сброшен десант под командованием комбрига Леонида Минова.

Он же считается первым парашютистом Красной Армии. Как пишет Ю. Ненахов: «По заданию тогдашнего начальника ВВС РККА П.И. Баранова в 1929 году в составе Амторга (советской торговой делегации в США, занимавшейся, в частности, закупкой парашютов для нужд военной авиации) он побывал в Америке и совершил там три прыжка с парашютом (по сути, не имея специальной подготовки). Во время пребывания комбрига в Буффало, где находился завод компании „Irvin“, изготовлявшей парашюты и снаряжение для военных лётчиков, ведущий представитель фирмы Форд (Ford) предложил ему самому опробовать качество предлагаемого товара, что Минов и сделал.

Пережитые ощущения настолько захватили его, что по прибытии в СССР комбриг развернул активную деятельность по пропаганде парашютного дела, в том числе неоднократно совершив показательные прыжки».

Леонид Григорьевич Минов (1898–1978) – советский лётчик, планерист и парашютист.

В 1916 году ушёл добровольцем на фронт, воевал в полковой разведке. С 1920 года в авиации. Окончил: школу лётчиков-наблюдателей в Москве (1920), военную школу лётчиков в Зарайске (1921) и высшую школу военных лётчиков в Москве (1923). Был инструктором, начальником лётной части 1-й московской высшей школы красных военлётков. Занимался изучением методики слепого полёта, в процессе чего были разработаны кабины для слепых полётов и тренажное кресло для наземных тренировок.

Около двух лет проработал в торгпредстве СССР во Франции, где исполнял функции авиационного атташе.

В 1928 году на совещании руководящего состава ВВС РККА выступил за обеспечение всего лётного состава парашютами, после чего в 1929 году был командирован в США для ознакомления со спасательной службой авиации. 13 июля 1929 года совершил свой первый прыжок в Буффало. Второй прыжок совершил на Калифорнийских соревнованиях парашютистов, где занял 3-е место, приземлившись в 35 метрах от центра круга. После выполнения третьего прыжка получил диплом парашютиста.

«26 июля 1930 года участники сборов ВВС Московского военного округа собрались на воронежском аэродроме, – рассказывает Ж. Чайкина. – Л. Минову предстояло выполнить показательный прыжок перед лётным составом авиабригады. „Мой прыжок действительно удался. Приземлился легко, недалеко от зрителей, даже на ногах устоял. Встретили аплодисменты. Откуда-то взявшаяся девушка вручила букет полевых ромашек“, – вспоминал позднее Минов. Прыжок 26 июля стал первым учебно-тренировочным прыжком с парашютом в СССР. Якову Мошновскому не повезло – его парашют снесло на строящееся здание – сни-

мать пришлось с помощью пожарной лестницы. Эта неудача не отразилась на настроениях участников сборов. Многие лётчики, видя инструкторов целыми и невредимыми, тоже изъявили желание прыгнуть. Всего с двухмоторного самолёта „Фарман-Голиаф“ было выполнено 59 тренировочных и показательных прыжков. Во время проведения сборов снимался документальный учебный фильм „Парашют“, ставший надолго наглядным учебным пособием при подготовке парашютистов».

Об успешных прыжках доложили начальнику ВВС РККА П.И. Баранову «и тут же получили новое задание: за два-три дня подготовить десять-пятнадцать человек для группового прыжка. „Было бы очень хорошо, если бы оказалось возможным по ходу воронежского учения продемонстрировать выброску группы вооружённых парашютистов для диверсионных действий на территории противника“, – прокомментировал своё задание Баранов.

Леонид Григорьевич Минов и Яков Давидович Мошковский с энтузиазмом восприняли предложение начальника ВВС. Из числа наиболее опытных курсантов, уже совершивших тренировочные прыжки, они отобрали десять добровольцев. В их число вошли Мухин, Филиппов, Пойдус, Фрейман, Черкашин, Кухаренко, Захаров, Коваленков, Поваляев.

Высадку десанта решено было произвести с самолёта „Фарман-Голиаф“. В те дни он был единственным самолётом, освоенным для прыжков. Его преимущество перед имевшимися в авиабригаде бомбардировщиками ТБ-1 заключалось в том, что десанникам не требовалось вылезать на крыло – парашютисты выпрыгивали непосредственно в открытую дверь. При этом курсанты находились в кабине все вместе, что имело немаловажное психологическое значение для новичков.

Так как грузоподъёмность самолёта „Фарман-Голиаф“ не позволяла брать на борт более семи человек, было принято решение произвести десантирование в два этапа, для чего группа была разбита на две подгруппы, одну из которых возглавил Минов, вторую группу возглавил Яков Мошковский. Длинноствольное оружие и боеприпасы было решено выбросить с трёх самолётов Р-1 на грузовых парашютах.

Подготовку к десантной операции закончили 31 июля. Каждый боец знал своё место в самолёте и свою задачу на земле. Снаряжение десантников, состоящее из основного и запасного парашютов, было уложено и тщательно подогнано по фигуре бойца, оружие и боеприпасы упакованы в подвесные мешки и коробки грузовых парашютов.

2 августа 1930 года в 9 часов утра самолёт „Фарман-Голиаф“ под управлением лётчика Громова поднялся в воздух. На борту самолёта находилась первая группа десантников во главе с Миновым, а также Мошковский, вылетевший с целью уточнения места выброски десанта. В качестве места высадки было выбрано свободное от посевов поле размером 600 на 800 метров вблизи хутора Клочково, в двух километрах от Воронежа. Первая группа была десантирована с высоты 350 метров. Вся группа покинула борт в течение пяти секунд. Самолёт развернулся и лёг на обратный курс. Тем временем над площадкой на высоте 150 м прошла тройка самолётов Р-1 и сбросила два мягких почтовых мешка и четыре полутяжёлых короба конструкции Н.П. Благина, в которых находились винтовки и два ручных пулемёта, снаряжение и боеприпасы, необходимые для выполнения боевой задачи. Подбежав к ним, парашютисты приступили к распаковке грузовых мешков.

Вернувшийся на аэродром „Фарман-Голиаф“ забрал остальных участников десанта, и через несколько минут с высоты 500 метров выбросил вторую группу над площадкой десантирования. Приземление второй группы произошло в непосредственной близости от того места, где в это время находилась первая группа. Ещё через несколько минут оба подразделения собрались вместе, привели оружие в боевую готовность и выдвинулись в исходный район для выполнения боевой задачи. В исходном районе их ждал грузовик, который доставил парашютистов на аэродром. Задача первого воздушного десанта была выполнена». (А. Савченко. Первый воздушный десант.)

Следует отметить, что, несмотря на свои заслуги (мастер парашютного спорта – 1934 г. знак № 1, мастер советского планеризма – 1934), комбриг Л.Г. Минов был репрессирован в 1940 году. В лагерях он провёл целых 7 лет, а затем ещё 7 лет в ссылке.

После возвращения он около 15 лет возглавлял Федерацию авиационного спорта Москвы.

А проведённый 2 августа 1930 года при его участии и под его руководством эксперимент доказал возможность парашютного десантирования вооружённого личного состава. Также была проверена техника выброски людей и грузов, определены величина рассеивания группы парашютистов в зависимости от высоты выброски, время сбора парашютистов и груза и время, необходимое для приведения группы в боевую готовность.

А. Савченко констатирует: «Выработанные правила и методические рекомендации по производству парашютных прыжков были опубликованы в 1930 году в „Бюллетене научно-технического комитета управления ВВС РККА“ и в журнале „Вестник воздушного флота“. Во время проведения сборов был отснят документальный фильм – „Парашют“. Этот фильм стал наглядным учебным пособием для подготовки парашютистов на многие годы. Собственно, само задание и работа по его исполнению положили практическое начало воздушно-десантному делу в нашей стране».

Сам по себе эксперимент позволил военным теоретикам увидеть перспективу преимущества парашютно-десантных частей, их огромные возможности, связанные с охватом противника по воздуху.

В связи с этим Реввоенсовет СССР одной из задач на 1931 год определял: «...воздушные десантные операции должны быть всесторонне изучены с технической и тактической сторон Штабом РККА с целью разработки и рассылки соответствующих указаний на места».

Первым же подразделением ВДВ стал сформированный в 1931 году на основании директивы от 18 марта 1931 года авиационный моторизованный десантный отряд в 11-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа и предназначался для исследования вопросов оперативно-тактического применения и наиболее выгодных организационных форм авиационных десантных (воздушно-десантных) подразделений, частей и соединений.

Отряд насчитывал 164 человека в составе: одной стрелковой роты (взводов связи, сапёрного и лёгких машин); тяжёлой бомбардировочной авиаэскадрильи (в составе 12 самолётов ТБ-1) и одного корпусного авиаотряда (в составе 10 самолётов Р-5).

На вооружении отряд имел: две 76-мм динамореактивные пушки (ДРП); две танкетки – Т-27; 4 гранатомёта; 3 лёгкие бронемашин; 14 ручных и 4 станковых пулемёта; 10 грузовых и 16 легковых автомобилей; 4 мотоцикла и один самокат.

Вскоре его численность была увеличена до 480 человек при 18 самолётах.

11 декабря 1932 года РВС СССР принял очередное постановление, в котором подчеркнул, что развитие авиационной техники, а также результаты, достигнутые в конструировании и сбрасывании с самолётов бойцов, грузов и боевых машин, требуют организации новых боевых подразделений и соединений РККА. Теперь на базе всё того же авиадесантного отряда ЛВО создавалась воздушно-десантная бригада, которая должна была готовить обученных инструкторов по воздушно-десантной подготовке, а также обрабатывать оперативно-тактические нормативы действий парашютистов.

Штат совершенно новой «Авиадесантной бригады» включал:

Управление – 49 (50); рота связи – 56 (46); музыкантский взвод – 11 (11); три воздушно-десантных батальона – 521 (381); школа младшего командного состава – 0 (115); обслуживания – 144 (135).

Всего в бригаде: 1823 (1500). Личный состав: командный – 107 (118); начальствующий – 69 (60); младший командный и начальствующий – 330 (264); рядовой – 1317 (1058).

Материальная часть бригады по штату включала:

45 мм пушка ПТО – 18 (19); ручные пулемёты – 90 (69); радиостанции – 20 (20); автоматические карабины – 1286 (1005); лёгкие миномёты – 27 (20); легковые автомобили – 6 (6); грузовые автомобили – 63 (51); специальные автомобили – 14 (14); автомобили «Пикап» – 9 (8); мотоциклы – 31 (31); тракторы ЧТЗ – 2 (2); тракторные прицепы – 4 (4).

К марту 1933 года предполагалось сформировать по одному авиадесантному отряду в четырёх военных округах, которые были переименованы в авиационные батальоны особого назначения (БОН). Так 1-й БОН был сформирован в Приволжском ВО, 2-й в Белорусском, 3-й в Украинском и 4-й в Московском.

Теперь начинается резкий рост численности ВДВ. Если в 1934 году в маневрах Красной Армии приняли участие 600 парашютистов, то на знаменитых маневрах Киевского военного округа в присутствии иностранных военных представителей был сброшен воздушный десант из 1200 парашютистов. Захватив район высадки, они быстро подготовили посадочные площадки, на которые были приняты самолёты, доставившие ещё 2500 солдат с боевой техникой. Как пишет Ю. Ненахов: «Учения Киевского округа, проведённые 12–17 сентября 1935 года в районе Бердичева, Сквиры и Киева и получившие название больших Киевских маневров, были направлены на отработку основных положений теории „глубокой операции“ и привлекли к себе внимание военных специалистов всего мира (на них присутствовали наблюдатели из Франции, Италии и Чехословакии). Помимо всего прочего, на учениях впервые в мировой практике была проведена выброска крупного парашютного десанта – бомбардировщики ТБ-3 десантировали в тыл „противника“ парашютно-десантный полк (1188 человек) и после захвата площадок высадили посадочным способом два стрелковых полка (без одного батальона) с частью тяжёлого вооружения: станковыми пулемётами, плавающими танками Т-37, орудиями и автомобилями – всего 2500 человек. Приобретённый под Киевом опыт был развит во время сентябрьских маневров Белорусского округа в 1936 году. На них была осуществлена выброска 1800 парашютистов и высажено посадочным способом 5700 бойцов и командиров».

«Парашютно-десантные части являются действенным средством для дезорганизации управления и работы тыла противника. Во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта, парашютно-десантные части могут оказать решающее влияние на полный разгром противника на данном направлении», – так определял роль и место воздушно-десантных войск в современной войне полевой устав РККА 1936 года издания.

В этом же году было принято решение сформировать на базе отдельных батальонов авиационные бригады особого назначения. Так в Белорусском и Киевском военных округах создавались по одной бригаде. На Дальнем Востоке формировали три авиационных полка особого назначения. Все они были преобразованы в воздушно-десантные бригады в 1938 году.

Таким образом, основной тактической единицей воздушно-десантных войск стала воздушно-десантная бригада. Число их пока ещё достигало шести (201-я, 202-я, 204-я, 211-я, 212-я, 214-я). Каждая такая бригада состояла из четырёх воздушно-десантных батальонов (по 700 человек каждый). Общая численность бригады равнялась 4000 человек.

Основной проблемой советских ВДВ того периода было отсутствие подходящего транспортного самолёта. По этому поводу В. Гончаров пишет: «Единственной машиной, способной нести парашютистов, являлся тяжёлый бомбардировщик ТБ-3 – в штатном варианте он поднимал 16 пехотинцев с оружием, специально переоборудованный транспортный вариант мог брать на борт 32 десантника. На внешней подвеске самолёт мог транспортировать боевую технику весом до 3 тонн – артиллерийское орудие, мотоцикл с коляской, автомобиль, лёгкий броневладелец Д-8 или даже танкетку Т-27. Однако выброска тяжёлой техники с парашютом в то время представляла серьёзную проблему, поэтому танкетки, артиллерия и автомобили разгружались посадочным способом, хотя во второй половине 30-

х годов проводились эксперименты по сбрасыванию лёгких плавающих танков Т-37А в воду с минимальной высоты.

Но самолётов ТБ-3 и более старых двухмоторных ТБ-1 в стране имелось не так много, а их транспортные модификации и без того напряжённо использовались в народном хозяйстве... Прочие же пассажирские и транспортные машины либо выпускались в минимальном количестве, либо вообще остались в опытных экземплярах. Поэтому параллельно велись поиски „альтернативных“ средств транспортировки десантников. К примеру, авиаконструктор и известный изобретатель Гроховский предложил использовать фанерные ящики-„кассеты“, разделённые на узкие длинные отсеки, в которых парашютисты располагались лёжа по несколько человек. Такие кассеты должны были подвешиваться под самолёт Р-5. Однако если для тренировки парашютистов подобное средство ещё как-то годилось, то транспортировка на большое расстояние вооружённых и экипированных десантников была весьма сомнительным мероприятием. В результате в боевых условиях советские воздушно-десантные части использовались в основном как наземные соединения, таким образом превратившись в род элитных войск...»

Один из первых десантников, генерал-лейтенант И.И. Лисов, об особенностях прыжков десантников тридцатых годов вспоминал: «Свой первый прыжок с парашютом я совершил летом 1934 года в Белорусском военном округе при подготовке к осенним учениям. В то время я командовал легкопулемётным парашютным отрядом. По сравнению с тогдашними пулемётами (ДП) современные значительно легче и короче. Судите сами: пулемётчик ростом в 160–180 см считался „мучеником“ – у такого солдата, когда он надевал пулемёт на плечо и готовился к прыжку, дульная часть ствола упиралась в землю, и он вечно цеплялся им за различные выступы в самолёте. Но главное было не в этом. У винтовок и пулемётов выпуска 30-х годов дульная часть далеко отходила в воздухе от тела человека и всегда могла служить причиной зацепки строп или кромки купола при раскрытии парашюта. Отделиться от самолёта нужно было очень аккуратно.

Несмотря на то, что ростом меня „бог не обидел“, и я „поймал“ стволом пулемёта кромку парашюта и вот при каких обстоятельствах.

В тридцатых годах у нас ещё не было специального десантного снаряжения, винтовки и ручные пулемёты крепились на парашютисте обычными ружейными ремнями и парашютными стропами, но так, чтобы десантник перед приземлением мог перевести оружие в горизонтальное положение на запасной парашют. Если этот приём он не успевал сделать в воздухе, то рисковал при приземлении получить приличный удар прикладом по голове и „взбучку“ от старшины за плохое отношение к оружию.

Я уже прыгал с оружием и без оружия почти со всех точек отделения знаменитого в то время тяжёлого бомбардировщика ТБ-3. В этот раз мне предстояло выполнить прыжок с ручным пулемётом с левого крыла самолёта. Эта точка считалась самой тяжёлой для отделения, так как предстояло выйти из самолёта в дверь на правое крыло и, держась за наружные поручни, двигаться вдоль фюзеляжа к моторам, затем, держась за верёвку, взобраться на верхнюю часть фюзеляжа, потом осторожно опуститься на левое крыло и, держась за протянутую по крылу верёвку, проползти и лечь на своё место. И все эти поистине цирковые номера делались на большой высоте при встречном потоке воздуха, усиливаемом моторами. Малейшая неосторожность могла стоить жизни парашютисту.

...Сидят теперь десантники в свободных кабинах транспортных самолётов и каждый имеет своё персональное, можно сказать, плацкартное место и даже улыбается от удовольствия. Правда, не у всех бывает красивая улыбка. В такой кабине инструктору хорошо наблюдать за парашютистами, он может подойти к любому, кому-то что-то поправить, кого словом подбодрить. В кабине самолёта тепло, уютно... и не дует!

А нас располагали в ТБ-3 с большим трудом. Особенно тяжело было забраться в крылья самолёта за бензобаками. Попадали туда только по-пластунски и в темноте. Пока лежишь, чего только ни передумаешь, соседей своих почти не видишь, всё гремит, кругом сквозняк гуляет, а если полёт длительный, то бензиновых паров так нахватаешься, что потом неделю чихаешься и боишься закурить. Каждый ждёт не дожждётся, когда же прыгать будет.

Итак, я благополучно добрался до левого крыла. Улёгся набок, прижался в гофрированной поверхности и всё внимание сосредоточил на кабине штурмана. Сигнал „Пошёл“ подавал красным флажком штурман из своей кабины, а так как она у него была, как у лётчиков, прикрыта только ветровым козырьком, то он становился спиной к ветру во весь рост и показывал нам одной рукой флажок, а второй, в зависимости от того, как мы прыгали, то кулак, то большой палец. Но нам уже после красного флажка было всё равно, какие он нам сигналы „выкладывал“ – мы их не наблюдали.

Ещё на предпрыжковой подготовке наш инструктор Волков порекомендовал мне „пробежаться“ по крылу до его конца, т. е. до консоли, а там прыгнуть, как с вышки в воду. Это лихо, красиво и на глазах у подчинённых! И вот, как только я заметил сигнал „Пошёл“, быстро подтянулся и, подскочив, как пружина, побежал по крылу. Но почти в одном шаге от консоли крыла поскользнулся, упал, на какой-то миг зацепился стволом пулемёта за край крыла. Меня ударило, перевернуло, и я почувствовал, что падаю. Шелестел шёлк – меня всего спеленала „мануфактура“. Левая рука оказалась закрученной куполом и вывернутой за спину.

В первые секунды положение показалось безнадёжным. Ничего не вижу, но чувствую большую скорость падения. В голове почему-то начали мелькать воспоминания, которые к парашютному спорту имеют весьма далёкое отношение: мать ждёт на обед, как буду отдыхать в отпуске, школьный учитель и прочее. Но всё это мелькало значительно быстрее, чем читается.

Вся свободная часть парашюта, видимо, представляла сплошной шлейф, и по свисту в ушах и шелесту шёлка можно было бы определить, что падение идёт со скоростью 30–40 м в секунду. Воспоминаниями заниматься некогда.

Правая рука и запасной парашют свободны, но затянуты снаружи полотном. Удалось нащупать привязанный стропой к „запаснику“ кривой садовый нож, зубами открыл его и полоснул по туго натянутому полотну прямо перед собой. В образовавшуюся щель ворвался воздух. Ветром начало расправлять над головой полотнище купола. С трудом вырвал из плена левую руку. Обеими руками ещё больше расширил отверстие, просунул в него голову, увидел свет и стремительно несущуюся на меня землю. Прижав головой край разорванного полотнища, рванул кольцо и с силой выбросил в образовавшуюся дырку купол запасного парашюта. И почти сразу же получил сильный удар по голове.

Сознание постепенно возвращалось. Я сидел на лугу, завёрнутый, как мумия, в погребальные полотна, весь потный. Вначале мне было непонятно, почему я нахожусь в таком положении, откуда взялись люди, ведь я, кажется, только что завтракал? Но медленно всё начало становиться на своё место, и я вспомнил детали „лихого прыжка“.

Приехали комбриг, врачи, дежурные, инструкторы, и каждый приступил к своему делу. У меня оказалась немного „помятой“ голова, шла кровь.

Инструкторы внимательно переходили от одного узла парашюта к другому, изучая причины ЧП. Только комбат Левашов молча стоял в стороне от всех. Затем подошёл – меня „в четыре руки“ обрабатывали врачи – и сказал:

– Знаешь, Лисов, а до земли оставалось метров семьдесят, когда над тобой запасник вспыхнул, – он наклонился, похлопал по груди и добавил: – Ничего, мы ещё попрыгаем!

Уже в госпиталь пришёл мой друг Саша Цвион. Он рассказал некоторые подробности. Нижняя кромка купола зацепилась за ствол пулемёта, я стал беспорядочно падать и

меня закрутило полотнищем, а удар на земле прикладом пулемёта я получил „по науке“, поскольку не перевёл оружие в горизонтальное положение. Ружейный ремень лопнул, ствол пулемёта погнулся...»

Бывало и так. Но сам по себе прыжок с парашютом в тридцатые годы был чаще всего непростым. Требовалось время для его совершенствования и многое, многое другое...

Боевое крещение советские десантники получили в вооружённом конфликте на Халхин-Голе (212-я воздушно-десантная бригада), а затем осенью 1939 года, когда в составе вновь образованных фронтов приняли участие в походе на территории Западных областей Украины и Белоруссии. Только в ходе этой операции было высажено несколько тактических воздушных десантов.

Во время советско-финляндской войны вместе со стрелковыми частями сражались 201-я, 204-я и 214-я воздушно-десантные бригады. Они совершали рейды в глубокий тыл противника, наносили удары по опорным пунктам, штабам, узлам связи, нарушали управление войсками.

«К июню 1941 года советские воздушно-десантные войска представляли собой самостоятельный род войск РККА, – пишет В. Гончаров. – Они имели своё командование, штаб и транспортную авиацию и подчинялись непосредственно Верховному Главнокомандующему. Командующим советскими ВДВ был генерал-майор В.Я. Глазунов, начальником штаба – генерал-майор авиации П.П. Ионов.

Всего в РККА насчитывалось десять воздушно-десантных корпусов. На стадии формирования находились ещё пять корпусов, кроме них имелось несколько отдельных парашютных бригад и батальонов. Каждый воздушно-десантный корпус имел по три бригады в каждом. Бригада в свою очередь состояла из четырёх парашютно-десантных батальонов, миномётного дивизиона и четырёх рот – зенитно-пулемётной, разведывательно-самокатной, сапёрной и роты связи. В парашютно-десантном батальоне имелось пять рот – три парашютно-стрелковые, миномётная и рота противотанковых ружей, а также четыре взвода – пулемётный, сапёрный, разведывательный и взвод связи. Численность личного состава батальона составляла по штату 546 человек. Всего в бригаде было около 3000 бойцов, в корпусе – 10 000 человек. Практически единственным транспортным самолётом ВДВ к началу 1941 года оставался ТБ-3, производство лицензионных машин ПС-84 (позже Ли-2) ещё только разворачивалось (до 22 июня 1941 года было изготовлено 74 самолёта этого типа).

В результате при общей высокой боеспособности воздушно-десантных частей РККА их парашютная подготовка из-за недостатка самолётов оставалась весьма слабой. К примеру, из состава 4-го ВДК лишь личный состав 9-й вдбр совершил по два парашютных прыжка. В 8-й вдбр 25 % бойцов не прыгали вообще и 65 % имели всего по одному прыжку, а в 214-й вдбр, сформированной позже других, 65 % бойцов вообще не имели ни одного учебного прыжка. Примерно такая же ситуация имела место и в других воздушно-десантных корпусах».

Мировой опыт в плане создания воздушно-десантных войск до начала Второй мировой войны богатым не назовёшь.

Например, в США в начале 1918 года некий полковник Уильям Митчелл, командир авиакорпуса, придумал использование авиации для высадки солдат в тылу противника. Он же предложил организацию сопровождения группы десантных самолётов истребителями, проведение предварительной бомбардировки места высадки и использование грузовых парашютов для сбрасывания пушек, миномётов и пулемётов.

По планам американского командования создание специальной парашютно-десантной дивизии должно было завершиться к началу 1919 года. Была разработана и первая операция – высадка десанта на франко-бельгийской границе зимой 1919 года. Но в связи с окончанием Первой мировой войны всё это так и осталось не реализованным.

Только в 1940 году американцы вернулись к работе по созданию воздушно-десантных войск.

Первое десантирование с воздуха 500 британских солдат из 14-го Его Величества сикхского полка было произведено в районе иракского города Киркук в 1923 году.

Говорят, что именно такая тактика использовалась британцами при ведении боевых действий в своих колониях регулярно. Однако такое применение воздушного десанта никак не отразилось на развитии воздушно-десантных войск.

Лишь в 1940 году в Великобритании был создан первый отдельный парашютный батальон.

В фашистской Германии ядром воздушно-десантных войск станет Отдельный полк Германа Геринга, переформированный из отдельного подразделения прусской полиции 1 октября 1935 года. В начале 1939 года все воздушно-десантные подразделения Германии были объединены всего лишь в одну воздушно-десантную дивизию, которая получила порядковый номер семь.

Первое боевое крещение немецкие десантники получили при захвате бельгийской крепости Эбен-Эмаэль в мае 1940 года. Считавшаяся неприступной, она была взята ими всего лишь за десять часов.

Но всё это пока ещё происходило в стороне от Василия Филипповича Маргелова...

Глава 4

На войне как на войне

22 июля 1941 года майор Маргелов прибыл в Ленинград. В Смольном его ждали в 18 часов. Побродив теперь уже по фронтовому городу, Василий Филиппович в назначенное время прибыл к начальнику штаба. Тот долго не разговаривал. Времени было в обрез. После коротенького вступления выдал предписание, в котором чёрным по белому было написано: «Майору Маргелову немедля прибыть в райком ВКП(б) Невского района и приступить к формированию полка 1-й гвардейской дивизии народного ополчения».

А буквально через трое суток дивизия выдвинулась к Красному Селу. В полку Маргелова в наличии находилось всего трое кадровых офицеров, а бойцы были вооружены винтовками в расчёте: одна на двоих. Тем не менее такой полк с конца июля по октябрь 1941 года участвовал в боях в районе Луги, Ораниенбаума и, кроме того, дважды был в тылу противника под командованием своего командира.

О формировании этой дивизии в своей книге «Ленинградцы в годы Блокады» А.В. Карасёв написал следующее: «Формирование 1-й гвардейской дивизии началось 20 июля. Она состояла в основном из трудящихся Володарского и Куйбышевского районов. Партийные организации заводов „Большевик“, имени В.И. Ленина, „Экономайзер“ и других предприятий превратились в боевые штабы по комплектованию дивизии. 2-й стрелковый полк, например, был укомплектован исключительно из рабочих завода „Большевик“. Комиссаром этого полка был назначен секретарь партийной организации 18-го цеха т. Климов, впоследствии павший смертью героя. Артиллерийский полк был скомплектован из ополченцев Володарского, Куйбышевского и Петроградского районов. Отдельный батальон связи состоял из студентов, преподавателей и научных сотрудников Института инженеров связи... Личный состав дивизии отличался высоким моральным уровнем, но боевая подготовка его была слабая. К концу формирования дивизии в ней ещё было много необученных бойцов, а среди командно-начальствующего состава кадровых командиров было лишь немногим более 10 %. Особенно слабо были подготовлены специальные подразделения дивизии. В составе дивизии был, например, сформирован отдельный противотанковый дивизион, позже ставший отдельным зенитным дивизионом. До 80 % бойцов этого дивизиона раньше в армии не служили. Остальные 20 % хотя и прошли службу в Советской Армии, но среди них был всего лишь один зенитчик. До 10 августа дивизия находилась в Красном Селе, где проходила ускоренную боевую подготовку в полевых условиях. 11 августа дивизия выступила на фронт в район станции Волосово».

На следующий день она сходу вступила в бой в районе железнодорожных станций Волосово и Молосковицы. Обстановка была предельно сложной: советские войска в этот момент отходили с Лужского рубежа.

В ночь с 7 на 8 августа немецкая группа армий «Север» начала наступление на Ленинград. 41-й моторизованный корпус во взаимодействии с 38-м армейским корпусом нанесли удары по населённым пунктам Ивановское и Большой Сабск в сторону Кингисеппа и Волосово. Через три дня передовые части противника приблизились к шоссе Кингисепп – Ленинград, а 13-го захватили станцию Молосковицы и перерезали железную дорогу. Уже 14-го завязались ожесточённые бои. Авиация противника постоянно бомбила и обстреливала из пулемётов позиции ополченцев. Но, несмотря на это, бойцы не только держали оборону, но и поднимались в контратаки.

В этом районе первая дивизия оборонялась до 18 августа.

«Бойцы и командиры 218 с.п. 80-й с.д. с основания полка, организатором которого является тов. Маргелов, по праву гордятся званием маргеловцев, – будет написано в боевой характеристике на командира полка. – На всём протяжении боевых действий личный состав любил его как принципиального, отважного командира, зажигательного агитатора и как честнейшего товарища.

В период боёв у станции Молосковичи тов. Маргелов вместе с небольшой группой бойцов уничтожил 7 танков противника... В течение 7 дней т. Маргелов сковал и продержал с группой бойцов превосходящего по силе противника у посёлка Ропши. Дважды попав в окружение, он вывел оставшихся с ним бойцов.

Под его руководством полк организовал и оснастил неприступную для противника линию обороны...

Дважды раненный... тов. Маргелов уходил с поля боя тогда, когда получал строжайшее указание вышестоящего командования».

25 сентября 1941-го полк Маргелова получил порядковый номер 218-й, а стрелковая дивизия, в которую он входил – 80-й.

В сентябре дивизия была прижата к Финскому заливу в районе Петергофа и отошла в район Ораниенбаума...

Адьютантом командира 218-го полка служил Григорий Бабочкин. «Перед лавиной танков и самолётов ополченцы оказались безоружными. Надежда на новенькие пушки не оправдалась – в зарядных ящиках не оказалось ни единого снаряда», – запишет с его слов корреспондент.

Зато о своём командире он говорит с душевной теплотой: «Навряд ли кому-то из нашего полка удалось бы уцелеть, не имей мы такого командира, как Маргелов. В безнадежных, казалось бы, ситуациях, а было их немало и на Дороге жизни, и на Ораниенбаумском пяточке, сохранял хладнокровие и находил решение. От полка осталась горсточка, но и она стала силой, достаточной, чтобы вырваться из окружения, укрыться в лесах и болотах, где мобилизоваться для сопротивления, а затем и наступления. Уж этот жизнью солдата дорожил. <...>

Дорожил он чужими жизнями. Не сидел бы я сейчас с вами, если бы в крутые моменты не только я заслонила Маргелова от пуль и осколков снаряда, но и он меня».

Супруга Бабочкина, Полина Степановна, тоже служила в 218-м. Её рассказ о командире звучит не менее трогательно: «Помню, во время бомбёжки подскочил на коне к нам, девчатам, плёткой размахивает, гонит в укрытие, кричит: „Не допущу, чтобы вы стали пушечным мясом“. Раненых на этот раз выносили мужчины. Однажды в лютый мороз стою по колено в снегу в карауле и вижу две приближающиеся тени. Вскинула винтовку, щёлкнула затвором: „Стой, кто идёт?“ Молчание. Изготовилась к выстрелу. И тут голос Маргелова: „Свой“. А рядом с ним мой благоверный. Вошёл комполка в палатку, начальник санчасти – навытяжку, а Маргелов ему такой разгон учинил, что девчонку на часах поставил, приказал занять пост самому».

«Сложная обстановка на подступах к Ленинграду потребовала от командования оборонявших город войск создания специальных частей, способных выполнять тактические задачи в интересах фронта, – рассказывают сыновья В.С. Маргелова. – Одной из таких частей стал 1-й Особый лыжный полк моряков Краснознамённого Балтийского флота, командиром которого назначили майора Маргелова...

Первый лыжный полк моряков был сформирован в основном из добровольцев – моряков береговой обороны и других вспомогательных служб КБФ, направленных для формирования различных десантных отрядов. Формирование полка проходило в начале ноября 1941 года в Кронштадте, здесь же в состав полка влились недавние защитники острова Ханко. Моряков переодели в ватные брюки, сапоги, ватные бушлаты тёмно-зелёного цвета

с одной красной звёздочкой на левом рукаве. Им выдали лыжи и шерстяные вязаные подшлемники-шапочки. Переписали адреса их родственников и каждого в отдельности сфотографировали.

При переодевании возникли проблемы: переодеваться в „пехоту“ моряки категорически не хотели. Недовольство нарастало, грозя перерасти в прямое неповиновение приказу».

На построении полка после команды «Смирно!» он внимательно рассмотрел всех моряков, обратив внимание на множество хмурых лиц, и, как всегда, не растерялся...

– Здорово, клёшники! – поприветствовал командир бойцов и сам еле сдержался от смеха.

На одном из них «поверх ватных брюк были натянуты флотские клёши, напуском свисавшие из-за голенищ сапог. Из-под расстёгнутого бушлата на фоне тельняшки торчал наган и свисали ленточки от спрятанной бескозырки. Поверх масхалата – ремень и торчащие из-под него гранаты, а за голенищами сапог – финский нож».

И всё же знакомство получилось: хмурые лица осветили улыбки...

И лишь потом командир пояснил для тех, кто на «бронепоезде»:

– Я понимаю ваше недовольство и уважаю флотские традиции. Но сейчас вопрос стоит так: вы мне нужны живые... А в чёрной форме на фоне белого снега противник не позволит ступить и несколько десятков шагов...

Все всё поняли, малость поворчали и переоделись. Ведь речь шла о тяжёлом боевом походе...

«...Ночью полк собрался на берегу Ладожского озера, в районе посёлка имени Морозова, в месте нового сосредоточения дивизии, – вспоминает участник тех боёв Н. Шувалов. – На подготовку к наступлению даны одни сутки. На следующий день выясняется, что лёд на озере ещё тонок. Он плохо держит людей...

Наступление дивизии задержано на один день. Но и через сутки состояние льда не изменилось.

Наступление вновь отложено, опять на сутки.

Принято решение – орудия всех батарей артполка оставить на берегу. Командиры же батарей пойдут с пехотой и связь со своими батареями будут держать по радио.

Дубенецкому, командиру батареи, в которой находились самые дальнобойные орудия, приказано немедленно с несколькими разведчиками и связистами добраться до Бугровского маяка на южном побережье озера и оттуда вести корректировку огня по побережью».

Однако боевая операция всё срывалась, и каждый новый выход к побережью превращался командиром в проигрыш его штурма. И наверху уже начали сдавать нервы. Оттуда стали сыпаться угрозы расстрела.

Но Маргелов всё ещё пытался решить вопрос по-хорошему:

– У меня приказ наступать после начала схватки пехотных полков с противником. Бросить в атаку одних моряков означает отправить их на верную смерть. Я должен с ними поговорить.

Затем он собрал всех командиров и объяснил сложность ситуации:

– Если вы откажетесь идти в атаку, я вас насильно не поведу, лучше сам пойду под расстрел.

27 ноября 1941 года всё началось... «С наступлением сумерек полк встал на лыжи и, в который уже раз, спустился на лёд Ладоги. Двигаясь вдоль проложенной через озеро дороги, моряки видели провалившиеся автомашины и санные повозки. В повозках как живые стояли запряжённые замёрзшие лошади. На острове Зеленец устроили привал. Боясь потерять внезапность штурма, полк в середине ночи покинул остров и прибыл к намеченному рубежу атаки. Пехотных подразделений не было. Ранним утром поступил приказ снять лыжи и развернуться фронтом вдоль побережья.

Где-то слева от полка должен был располагаться Бугровский маяк. Под ногами моряков глубокий снег, через него кое-где выступали сухие стебли какой-то прибрежной травы. Перед полком простиралось гладкое заснеженное пространство. Стояла звенящая тишина. 1-й батальон располагался в центре атакующего полка. Матрос Орлов находился в нескольких метрах левее капитана Петрищева, а чуть правее его впереди шёл майор Маргелов В.Ф.

По рядам вполголоса пролетела команда:

– Приготовиться к атаке! Гранаты – к бою!

Полк продвигался быстрым шагом, соблюдая полнейшую тишину.

Вдруг Орлов скорее увидел, чем услышал, капитана Петрищева с поднятой правой рукой, держащей автомат, и кричащего:

– За Родину! За Сталина! Вперёд! УРА!

Внезапно капитан упал, сражённый автоматной очередью. В сознании Орлова мелькнула мысль: „Надо было ещё ближе подойти. Рано бросились в атаку“. Но лавина моряков, сбросив несвойственную им форму и оставшись в родных чёрных бушлатах, в тельняшках, сбросив каски и надев запрятанные бескозырки, в полный рост рванулась чёрной волной на позиции врага с криками:

– УРА! Полундра! За Родину! За Сталина!

Бежали. Падали. Вставали и опять падали. Ползли. Только вперёд! Не было такой силы, которая остановила бы наступательный порыв „братишек“. Всё вокруг стонало от разрывов. Откуда-то справа с характерным свистом пролетели и разорвались с большим интервалом позади наступающих несколько одиночных снарядов. Тут же на наступающих посыпались мины. Несмотря на шквал миномётного и пулемётного огня, полк упорно продвигался вперёд. Раненые оставались в строю. Немцы, в панике выбегая из землянок, вели беспорядочную автоматную стрельбу...

Прошёл слух, что в начале атаки тяжело ранен командир полка, позже стало известно, что его на волокуше отвезли на баржу, вмёрзшую в озеро недалеко от берега.

А бой продолжался...

Про этот бой корреспондент газеты запишет со слов адъютанта командира: «В ноябре 1941 года по приказу командующего фронтом был сформирован лыжный полк из моряков, перед которыми была поставлена задача прорвать окружение, в котором на Ладого, в районе посёлка Липки, оказалась одна из наших частей... Лыжный десант выбил фашистов с их позиций с ходу, однако развить наступление из-за того, что не подоспело подкрепление, не смог, чем воспользовались, подтянув к полю боя танки, артиллерию и авиацию, фашисты. Немногим удалось уцелеть в том сражении. На волосок от смерти был раненый разрывной пулей и истекающий кровью Бабочкин...»

Что и говорить, если полк Маргелова был брошен в бой по приказу вышестоящего командира без артиллерийской поддержки и поддержки обещанной пехоты. Не были разведаны и силы противника. Следовательно, от смелой атаки мощного оборонительного рубежа противника, с артиллерией, пулемётами, проволочными заграждениями и минными полями, осталась не более чем горстка бойцов...

Самого командира, израненного и превозмогающего нестерпимую боль, тащили из самого пекла на волокуше двое моряков.

На показательный суд военного трибунала над командованием 80-й стрелковой дивизии Маргелова доставят буквально на костылях. В забитом до отказа помещении он попытается что-то понять ещё раз для себя, взглядыываясь в лица командира и комиссара дивизии. А после вынесения смертного приговора они оба подойдут к нему, попросят прощения и напоследок поцелуют.

К слову, в 1957 году командира 80-й стрелковой дивизии Ивана Михайловича Фролова и комиссара дивизии Константина Дмитриевича Иванова реабилитируют. «Приговор воен-

ного трибунала Ленинградского фронта от 2-го декабря 1941 года в отношении Фролова Ивана Михайловича и Иванова Константина Дмитриевича отменить и дело о них прекратить за отсутствием состава преступления», – говорится в определении Военной коллегии Верховного суда СССР.

Вот что пишет по этому поводу С. Глезеров: «... дело состояло в следующем: командир 80-й стрелковой дивизии Иван Михайлович Фролов и комиссар этой дивизии Константин Дмитриевич Иванов отказались выполнить приказ по прорыву блокады на одном из участков Ленинградского фронта, полученный 21 ноября 1941 года. Как отмечает историк Виктор Кунтарёв, „это был небывалый случай на Ленинградском фронте“. Действительно, отказ комдива выполнить полученный сверху боевой приказ – событие из ряда вон выходящее. Чтобы пойти на такой шаг, надо было иметь более чем веские основания. Как же такое могло произойти? Чтобы понять это, необходимо из ноября 1941-го вернуться на несколько месяцев назад. ВЫПОЛНИМА ЛИ ЗАДАЧА? Фролов и Иванов командовали 80-й дивизией с самого начала её существования. Она была сформирована в июле 1941 года из ополченцев Володарского (ныне Невского) района Ленинграда, поэтому её часто называли „Володарской“, а официально она первоначально звалась „1-я гвардейская стрелковая дивизия народного ополчения“. В бой она вступила 12 июля 1941 года под Волосово. Затем были тяжёлые, ожесточённые бои под Ленинградом, в ходе которых дивизия оказалась прижатой к Финскому заливу – на Ораниенбаумском „пяточке“. Отсюда дивизию в ноябре перебросили на кораблях в Ленинград, а затем пешком отправили на западный берег Ладожского озера. Марш был очень тяжёлым – за пять дней, с 19 по 24 ноября, дивизия сменила четыре района сосредоточения, в результате чего люди были совершенно измотаны, а от недостатка фуража начался падёж лошадей. Горючее также было на исходе. Именно в таком состоянии дивизия и получила приказ о наступлении – как это часто бывало, срочном и слабо подготовленном».

Историк Владимир Бешанов в своей книге «Ленинградская оборона» завершает эту страшную картину: «В полосе 54-й армии Хозин (М.С. Хозин являлся тогда командующим Ленинградским фронтом) и Жданов, не терявшие надежду порадовать Вождя успехами, задумали провести отдельную „очень интересную и способную принести быстрое решение операцию“. Суть идеи заключалась в том, чтобы воспользоваться установившимся на Ладоге ледовым покровом и силами одной стрелковой дивизии с лыжным полком, без тяжёлого вооружения, нанести удар навстречу войскам, атакующим с Невского „пяточка“. 80-й дивизии была поставлена задача: со стороны „Дороги жизни“ нанести удар, совместно с полком моряков-лыжников, по немецким позициям в районе „бутылочного горла“, захватить 1-й, 2-й и 3-й Рабочие посёлки и двигаться дальше в направлении Синявинских высот. На подготовку операции давались сутки. Одновременно предполагались вспомогательные удары с Невского „пяточка“. **ВЫПОЛНИТЬ ПРИКАЗ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!**

Командование 80-й дивизии прекрасно знало реальное состояние своих бойцов и отдавало себе отчёт в том, что к подобному наступлению дивизия не готова, а если оно состоится, то понесёт бессмысленные жертвы. Поэтому Фролов сообщил начальнику штаба фронта генералу Гусеву, что „дивизия к выполнению поставленной боевой задачи не готова“. Однако в штабе фронта рассудили по-своему: выполнить приказ любой ценой! Комдива Фролова и комиссара Иванова отстранили от командования, а новое командование дивизии во главе с комдивом Павлом Брыгиным приступило в ночь на 25 ноября 1941 года к выполнению той же боевой задачи. Все бойцы дивизии получили по одному комплекту боеприпасов (45 патронов) и продовольствия сухим пайком на трое суток. По воспоминаниям ветеранов, часть бойцов посадили на грузовики полуторки и высадили на льду Невы, не доезжая шести – восьми километров до немецких позиций. Остальные двигались пешком около 30 километров при 30-градусном морозе и сильном ветре. Затем, без артиллерийской и миномётной поддержки, они пошли на вражеские дзоты и в двух километрах от берега попали

под прицельный огонь противника. На открытом пространстве заснеженного Ладожского озера укрыться было практически нигде. В результате дивизия понесла большие потери. 28 ноября дивизия повторила атаку совместно со 128-й дивизией и опять потерпела неудачу. В тот же день 80-ю дивизию вывели из боя...»

После излечения Василий Филиппович вновь назначается командиром 218-го стрелкового полка всё той же 80-й дивизии.

Характерной чертой командира полка Маргелова был всегда и во всём только личный пример. Вещь на войне встречающаяся далеко не часто...

«В наступательных боях Маргелов не раз поднимал в атаку батальоны, а когда была необходимость – дрался в первых рядах своих бойцов, увлекая их к победе в рукопашном бою. Любил он бой рукопашный, любил, поскольку проверялся воин на стойкость, ловкость, силу и мужество. Маргелов и в этом бою был примером для бойцов и командиров. Дерзость и быстрота – таковы были его принципы. Однажды собрал он группу из добровольцев в 13 человек и ночью ворвался с ними в занятый врагами населённый пункт Михайловка, 17 гитлеровцев взял в плен, захватив в качестве трофеев много оружия, боеприпасов и другого имущества», – рассказывают сыновья Василия Филипповича.

«В мае 1942 года в районе Виняглово около двухсот фашистских захватчиков прорвались через участок обороны соседнего полка и вошли в тыл маргеловцам. Василий Филиппович Маргелов быстро отдал необходимые распоряжения по ликвидации вражеского отряда и не дожидаясь подхода резервов, сам лёг за станковый пулемёт. Меткими очередями он лично уничтожил 79 фашистов, остальных добила рота автоматчиков, взвод разведки и комендантский взвод...

...У Маргелова всегда был станковый пулемёт, из которого по утрам Василий Филиппович совершал необычную „зарядку“ – подстригал из пулемёта макушки деревьев, после чего садился на лошадь и упражнялся в рубке шашкой. Разумеется, это было возможным, когда полк находился в обороне. Отрастил командир усы и небольшую бородку, и в неполные 33 года звали его в полку „Батя“».

Человеком великого таланта, мужества и беспредельного героизма назвал Маргелова И.Н. Давыдов. А ещё военным профессионалом высшего класса, с молниеносной реакцией и отличной ориентацией. Великим патриотом своей Родины.

«Удивительно, – пишет он, – но Василий Филиппович обладал какой-то притягательностью, его разговор или выступления перед бойцами и командирами просто завораживали. На коротких собраниях и совещаниях в армии все ждали его выступления, он был прекрасным оратором, его выступления отличались глубоким знанием дела, принципиальностью, чёткостью, независимостью суждений, что, правда, не всегда нравилось командованию армии».

Однажды Маргелов проходил по траншеям переднего края и обратил внимание на развалившуюся обувь сержанта-пулемётчика. Находящемуся рядом начвещу он приказал отдать свои сапоги младшему командиру. При этом предупредил, что если ещё раз увидит бойца в рванье, вещевики тут же пойдёт в эти самые окопы...

Приказом наркома обороны от 28 июня 1942 года Василию Филипповичу было присвоено очередное воинское звание «подполковник», а в июле он принял под командование новый 13-й гвардейский стрелковый полк 3-й гвардейской стрелковой дивизии.

Краткая история этого полка такова:

18 августа 1940 года приказом НКО СССР в г. Сухой Лог Свердловской области 19-й запасной полк был преобразован в 666-й стрелковый полк 153-й стрелковой дивизии.

С августа 1940 г. по июнь 1941 г. дивизия занималась боевой подготовкой в Камышловских лагерях в составе Уральского военного округа.

18 мая 1941 года полк перебрасывается в Витебск. После начала войны он доукомплектовывается личным составом, вооружением и материальной частью и 3 июля вступает в бой.

С 11 июля полк находится в окружении юго-восточнее г Витебск. Как сообщается в свободной энциклопедии «Википедии», «к утру 17 июля 1941 года дивизия основными силами вышла в район: Слепцы, Логуны, Кароли, что в 17, 14 и 18 км соответственно юго-западнее крупного н.п. Лиозно (Витебская область). По 5 августа 1941 года включительно 153 стрелковая дивизия выходила из окружения. К августу от её первоначального состава осталось около 1000 солдат и офицеров. С 20 июля по 5 августа 1941 года документов дивизии и вышестоящих штабов в Архиве МО СССР не обнаружено.

С 6 по 22 августа 1941 года полк вёл боевые действия на восточном берегу р. Днепр. С 22 августа по 6 сентября 1941 года полк вёл боевые действия в районе высоты 249.9 на восточном берегу реки Днепр, а затем на западном берегу. Бои полка под Смоленском были первыми наступательными боями.

С 6 по 20 сентября 1941 года полк находился в резерве в составе 153-й стрелковой дивизии сначала в 20-й армии, а затем в резерве Ставки Верховного Главнокомандования и доукомплектовывался в городе Калинин».

А 18 сентября 1941 года приказом НКО СССР № 308 153-я стрелковая дивизия была переименована в 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Этот приказ о переименовании 100, 127, 153 и 161-й стрелковых дивизий в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские дивизии весьма интересен своим содержанием, хотя бы потому, что его правила рука самого вождя...

«В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100, 127, 153 и 161 стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас.

Почему этим нашим стрелковым дивизиям удавалось бить врага и гнать перед собой хваленые немецкие войска?

Потому, во-первых, что при наступлении они шли вперёд не вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьёзной подготовки, после того как они прощупали слабые места противника и обеспечили охранение своих флангов.

Потому, во-вторых, что при прорыве фронта противника они не ограничивались движением вперёд, а старались расширить прорыв своими действиями по ближайшим тылам противника, направо и налево от места прорыва.

Потому, в-третьих, что, захватив у противника территорию, они немедленно закрепили за собой захваченное, окапывались на новом месте, организуя крепкое охранение на ночь и высылая вперёд серьёзную разведку для нового прощупывания отступающего противника.

Потому, в-четвёртых, что, занимая оборонительную позицию, они осуществляли её не как пассивную оборону, а как оборону активную, соединённую с контратаками. Они не дожидались того момента, когда противник ударит их и оттеснит назад, а сами переходили в контратаки, чтобы прощупать слабые места противника, улучшить свои позиции и вместе с тем закалить свои полки в процессе контратак для подготовки их к наступлению.

Потому, в-пятых, что при нажиме со стороны противника эти дивизии не впадали в панику, не бросали оружие, не разбегались в лесные чащи, не кричали „мы окружены“, а организованно отвечали ударом на удар противника, жёстко обуздывая паникёров, беспощадно расправлялись с трусами и дезертирами, обеспечивая тем самым дисциплину и организованность своих частей.

Потому, наконец, что командиры и комиссары в этих дивизиях вели себя как мужественные и требовательные начальники, умеющие заставить своих подчинённых выполнять приказы и не боящиеся наказывать нарушителей приказов и дисциплины.

На основании изложенного и в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета СССР Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

100 стрелковую дивизию – в 1-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии генерал-майор Руссиянов.

127 стрелковую дивизию – во 2-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии полковник Акименко.

153 стрелковую дивизию – в 3-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии полковник Гаген.

161 стрелковую дивизию – в 4-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии полковник Москвитин.

2. В соответствии с Постановлением Верховного Совета Союза ССР указанным дивизиям вручить особые гвардейские знамёна.

3. Всеми начальствующему (высшему, старшему, среднему и младшему) составу с сентября с.г. во всех четырёх гвардейских дивизиях установить полуторный, а бойцам двойной оклад содержания.

4. Начальнику тыла Красной Армии разработать и к 30 сентября представить проект особой формы одежды для гвардейских дивизий.

5. Настоящий приказ объявить в действующей армии и в округах во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях и командах.

Народный Комиссар Обороны СССР

И. СТАЛИН...»

«С 20 сентября по 9 ноября 1941 года полк в составе 3-й гвардейской стрелковой дивизии вёл боевые действия в составе 54-й армии Ленинградского фронта в районе ст. Мга, Синявино. С 10 по 14 ноября 1941 года дивизия передислоцировалась на левый фланг армии в район южнее города Волхов. С 15 ноября по 28 декабря 1941 года дивизия вела боевые действия в районе города Волхов, а затем преследовала противника до станции Погостье.

В январе-апреле 1942 года полк участвовал в Любанской наступательной операции. Наступление проходило в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Бездорожье и глубокий снег затрудняли продвижение полка. Положение стало ещё более тяжёлым с началом весенней распутицы. В батальонах осталось по 50–60 активных штыков.

Летом 1942 года дивизия пополнила свой состав, после чего вошла в резерв Ставки ВГК».

Такой полк и принял под своё командование подполковник Маргелов.

Уже в конце августа – сентябре 1942 года дивизия принимала участие в Синявинской наступательной операции Волховского фронта. Целых полтора месяца шли бои с войсками противника, прибывшими из Крыма.

В начале декабря 1942 года дивизия была выведена из резерва Ставки ВГК и переброшена под Сталинград.

А в резерве опытный боевой командир готовит свой полк к предстоящим боям.

«Нередко командир полка сам показывал бронебойщикам, как отрыть индивидуальный окоп, как лучше „работать“ с противотанковым ружьём, как метать гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Полк учился действовать в любое время суток и в любую погоду. Не забывали в полку и о физической подготовке бойцов. Каждый день проводили пешие маршброски с полной выкладкой на расстояние 10–15 километров, а раз в неделю совершали суточные переходы на 30–40 километров и обязательно с боевой стрельбой. Порой боевая учёба продолжалась по 15–20 часов в сутки, причём треть времени отводилась на ночную подготовку», – пишут сыновья В.Ф. Маргелова.

«В полку он стал уважаемым и авторитетным командиром. Что недолюбливал, так это штабные бумаги. Офицерам штаба не давал засиживаться в землянках:

– Каждый, кто воюет, должен испытать на себе то, что испытывает рядовой пехоты. Неплохо бы сходить и в атаку».

В отличие от многих командиров и командующих (например, таких, как А.А. Власов) Маргелов «всегда гнал от себя корреспондентов и фотографов».

Под Сталинградом в декабре 1942 года 13-й гвардейский, выгрузившись на железнодорожной станции Большие Липки, преодолел более ста километров марш-броска по занесённой снежною пургою степи до реки Мышкова, а потом за двое суток его бойцы и командиры сумели создать такую полосу обороны, на которой фашист был остановлен.

В истории 3-й гвардейской дивизии об этом говорится предельно кратко: «В начале декабря 1942 года дивизия была выведена из резерва Ставки ВГК и переброшена под Сталинград, с включением в состав 2-й гвардейской армии Сталинградского фронта. Соединения дивизии совершили в условиях зимы 1942 года тяжёлый форсированный марш, пройдя от мест выгрузки до районов сосредоточения 200–280 км. С 15 по 31 декабря 1942 года дивизия вела активные боевые действия под Сталинградом».

Однако здесь не говорится, как солдаты Маргелова одними из первых в армии вышли на рубеж реки Мышкова, в то время как другие части армии ещё продолжали марш и передвижение по железной дороге. Первым 13-й гвардейский и начал подготовку оборонительного рубежа.

«Трудно, очень трудно приходилось бойцам при оборудовании оборонительных линий. Местность здесь была равнинная, безлесая. Грунт промёрз настолько, что его с трудом брали не только сапёрные лопатки, а кирки и ломы. Снежного покрова почти не было, а поэтому замаскировать окопы и блиндажи тоже было нелёгким делом. А ведь надо было не только маскироваться как следует, но и думать о прочности блиндажей и окопов, которые за отсутствием леса укреплять было просто нечем.

Вот тут-то на помощь бойцам пришли жители Васильевки и Капкинского. Днём и ночью вместе с бойцами старики, женщины, подростки рыли окопы, строили блиндажи и дзоты. Патриотизм жителей был настолько велик, что многие из них жертвовали своими домами, сараями, брёвна и доски от которых шли на постройку оборонительных сооружений. Отец с глубокой благодарностью вспоминал эту героическую помощь простых советских людей. Под ураганными порывами пронизывающих ветров долбили они кирками, ломом, лопатами промороженную сильными морозами твёрдую, как бетон, землю. Без их самоотверженной помощи вряд ли удалось бы гвардейцам в кратчайшие сроки создать прочный оборонительный рубеж на реке Мышкова». (*А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.*)

К исходу 18 декабря полк с ходу занял оборону на четырёхкилометровом фронте от Васильевки до Капкинского, тем самым упредив выход войск противника к реке Мышкова на целых шесть часов.

Только рано утром 19 декабря, после артиллерийской подготовки, немцы атакуют танками и мотопехотой 2-й батальон полка Маргелова. Но с ходу прорвать оборону на рубежах реки Мышкова не получилось. 20-го всё повторяется сначала...

Находясь всего в 40 километрах от Сталинграда, 13-й гвардейский полк вёл оборону в районе посёлков Васильевка и Капкинский, сдерживая силы танковой дивизии СС.

По документам и воспоминаниям хроника боевых действий полка выглядит следующим образом:

- 20 декабря – полк продолжал вести бои с фашистскими танками;
- с утра 21-го противник предпринял две отчаянные попытки взломать оборону полка, но все атаки были отбиты;
- к исходу 21-го противник перегруппировал 17-ю танковую дивизию в районе Васильевки и создал бронированный таран из двух танковых дивизий, с тем чтобы прорваться к Сталинграду по кратчайшему направлению. Полк отражал атаку 80 танков. Бой продолжался 8 часов!

В ночь на 22 декабря полк готовился контратаковать противника в районе Васильевки и Капкинского. Снова тяжёлый бой...

В журнале боевых действий полка за 22 декабря записано: «Полк продолжал отражать непрерывные танковые атаки противника. По-прежнему удерживает оборонительные позиции. Командир полка был тяжело контужен, но с НП не ушёл, продолжал командовать подразделениями».

А вот за 23-е: «Пятый день полк ведёт напряжённый бой с фашистскими танками и пехотой. Атака полка увенчалась успехом...»

Но уже 24 декабря 1942 года в 8 часов утра, после мощного артиллерийского налёта по переднему краю и ближайшей глубине обороны, 3-я гвардейская стрелковая дивизия перешла в наступление совместно с другими частями 2-й гвардейской армии на город Котельниковский.

13-й гвардейский полк находился на левом фланге дивизии. В ночь с 31 декабря на 1 января 1943 года Маргелов производит разведку обороны противника и, убедившись в наличии его небольших сил, оставив прикрытие на главном направлении, основными силами полка обходит Котельниковский с юго-запада и выходит к немцам в тыл.

Таким образом, не встречая сопротивления, полк Маргелова, углубившись в тыл противника и развернувшись на север, перерезает дорогу, ведущую от Ростова через Котельниковский на Сталинград. Когда он доложил командиру дивизии об успехе своего полка, тот долго не мог поверить в случившееся.

А командир корпуса, не поверив в успех Маргелова категорически, вообще принял его за «ложь» и угрожал расстрелом.

Но после всех уточнений и разбирательств на Маргелова напишут наградное представление.

«Командир 13 Гвардейского стрелкового полка Гвардии подполковник МАРГЕЛОВ В.Ф. своим умелым руководством обеспечил успешное выполнение боевых задач. Под его руководством 13 гв. сп сдержал наступление крупных сил противника, которые пытались при поддержке 70 танков прорвать оборону полка в районе дер. Васильевки и выйти на соединение с вражеской группировкой, окружённой в районе Сталинграда.

В 3-х дневных боях, с 20 по 23.12.42, 13 гв. сп нанёс противнику большие потери в живой силе и технике. Этим самым полк блестяще выполнил задачу сдерживать противника до подхода главных сил 2 Гвардейской Армии.

Руководимый Маргеловым полк не менее успешно провёл последующие наступательные операции против укрепившегося противника в дер. Антоновка, Кругляков, Шестаков. В результате этих боёв 13 гв. сп захватил в качестве трофеев 2 танка, 12 пушек, 2 зенитные установки, 6 пулемётов и уничтожил более 900 солдат и офицеров противника, 36 танков и бронемашин.

В бою за дер. Шестаков тов. Маргелов был серьёзно контужен, но через двое суток вернулся в строй. Волевой и бесстрашный командир. Полк своими успехами обязан его твёрдому и умелому руководству.

Достоин награждения орденом „КРАСНОЕ ЗНАМЯ“ ...»

Этот наградной лист подписали и командир дивизии генерал Цаликов и командир корпуса генерал Чанчибадзе.

И если с первым у Маргелова сложились довольно-таки добрые отношения (он называл Маргелова «талантливым офицером»), то со вторым имели место даже резкие столкновения.

Например, в книге «Десантник № 1» приводится такой диалог комполка с комкором: «Когда угроза окружения 2-го батальона вражескими танками была ликвидирована, состо-

ялся разговор по телефону командира корпуса генерал-майора П.Г. Чанчибадзе с командиром полка:

- Маргэлов, сколько вас нужно искать? Гдэ вы сейчас сидите?
- Не сижу, а командую с КП комбата-2.
- Почему нэ на своём мэсте?
- Моё место сейчас здесь, товарищ командир корпуса.
- Спрашиваю, гдэ ваше мэсто?
- Товарищ командир корпуса, командую полком я. Моё место там, где я нужен полку.
- Ну-ну... Как дэла?
- Полк стоит на своём месте».

В этой книге есть ещё один эпизод, когда Маргелов после боя прибыл на доклад к командиру корпуса: «Едва он вошёл в кабинет, как генерал Чанчибадзе набросился на него с кулаками. Устояв от неожиданного удара, комполка развернулся и со всей силой врезал в челюсть комкору. Чанчибадзе упал. Медленно поднявшись, он подошёл к командиру полка и, потирая подбородок, сказал с сильным грузинским акцентом:

- Маргелов, верю – будэшь командиром дивизии!

Затем внимательно выслушав доклад подполковника, обнял его и пожелал на прощание новых побед. А во искупление своей вины и, отмечая подвиг командира полка, тут же дал указание подготовить наградной лист на награждение орденом Красного Знамени».

Хотелось бы сказать несколько слов о двух начальниках Маргелова.

Генерал-майор (1942 г.) Цаликов Кантемир Александрович родился в 1908 году в Северной Осетии. В Красной Армии с 1929 года. Выпускник Закавказской пехотной школы (1932 г.) и Военной академии им. М.В. Фрунзе (1938 г.).

До академии проходил службу на должностях: командира стрелкового и учебного взводов, командира и политрука роты. В 1934 году за успехи в боевой подготовке награждён орденом Красной Звезды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.